

КОЗЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РУССКИХ
ЛИТЕРАТОРОВ

Николай АНДРЕЕВ
Любовь ДОЛБИНА
Владимир ИЛЬИН
Владимир РОДИОНОВ
Галина СЕРГЕЕВА
Сергей ТЕСМИН
Николай ФОМЕНКО
Александр БАРАНОВ

Творчество молодых
Наши гости

АЛЬМАНАХ

~~Сөй е Ләәә~~
^

Дизайн студии «Линия Билибина»

Редакционная коллегия:

Владимир ИЛЬИН (главный редактор)

Игорь БЕРЕЗНЕВ (технический редактор)

Галина СЕРГЕЕВА

Сергей ТЕСМИН

Второй выпуск
Альманах Злой Град

Козельское общество русских литераторов

Николай АНДРЕЕВ

Возвращение
Любовь и зона
Минуточку
Встречи в мае
Письмо неродившемуся
Родная кровинка
«Язык» из будущего

А Л Ь М А Н А Х

Злой Град

Возвращение

I

Николай Алексеевич АНДРЕЕВ

Родился в 1946 году в городе Новосибирске в семье военнослужащего. В 1954 году семья переезжает в глухую смоленскую деревеньку Калинка, где Н. Андреев учился до 8 класса. После переезда в Козельск окончил Шамординскую среднюю школу в 1963 году.

В 1963 - 1964 годах работал учителем музыки в Березичском интернате. Окончил Калужский педагогический институт по специальности учитель математики. Работал в школах Козельского района, в роно. С 1982 года по настоящее время директор Козельской средней школы №2. Женат, имеет детей и внуков. Депутат Козельской городской Думы, председатель комитета по образованию, культуре и спорту. Член Козельского общества русских литераторов.

Карл не знал, что ждет его за поворотом. И когда маленькая девочка неожиданно показалась перед его стремительно мчащимся «Мерседесом», понял, что затормозить не успеет.

Он был абсолютно трезв, утром отказался от предложенной в кафе-бистро порции виски. А еще вчера, сидя в казино с друзьями, такими же старыми партийцами, лениво потягивая баварское пиво и глядя на беснующихся, по их западным меркам, юнцов, вспоминал свое прошлое, строгие шеренги гитлерюгенда, далекую Россию. Тогда, в тридцатые-сороковые годы, было все просто: фюрер думает за всех. Даешь Россию! Зиг хайль!

Вообще-то Карл не разговаривал на эту тему. Он, бывший полковник вермахта, умел держать язык за зубами. Разговаривали все больше его друзья. Карл же молчал. Совсем некстати вдруг заныла простреленная где-то под Козельском нога. В сорок первом году он, еще совсем молодой лейтенант, командовал группой захвата по поимке партизан. Его отряд тогда незаметно подкрался к деревне, где по предположению разведчиков могли ночевать партизаны.

«Как называлась эта деревня?», – мелькнуло в голове у Карла. Натренированная память выхватила из сознания ничего не говорящее ему название Побуж. Когда они ворвались в деревню, партизан там не оказалось. Трудно сказать: ночевали ли они вообще в эту ночь. Где их искать, никто из местных жителей не говорил. Ярости Карла не было границ. Он уже представлял, что за ликвидацию партизан, этих варваров-недочеловеков, которые и воевать не умеют культурно, нападают из-за угла, он получит награду. Особенно хотелось поехать к Эльзе, они еще тогда не были официально зарегистрированы. Карла же это, особенно когда рядом посвистывали пули, серьезно удручало. И вот надежды эти разрушены. Подскочившему к нему младшему офицеру Карл приказал любой ценой узнать у местных жителей, где скрываются партизаны.

– А если будут молчать, – свирепея, добавил Карл, – сам

знаешь, что надо делать.

Людей в деревне было немного: несколько десятков человек, все больше стариков и детей. Никто из них ничего не знал о партизанах.

– Свиньи, русские свиньи, и спят со своими коровами и свиньями вместе, – беззвучно шевеля губами, шептал Карл.

– Зажигайте эти дома, – заорал он и выхватил у стоявшего рядом солдата горящий факел.

Дома вспыхнули быстро, изнутри раздавались крики и плач. Ударил одиночный выстрел, по-видимому, из охотничьего ружья. Стоявший рядом солдат схватился за плечо и медленно осел на землю. Солдаты с факелами забегали быстрее. Пылала уже вся деревня. Почему-то запомнилась маленькая русская девочка. Она каким-то образом сумела спрыгнуть с крыши. Позже Карл понял, что это взрослые, сгорающие в огне люди вытолкнули ее наружу. Девочку подняли с земли, и чьи-то безжалостные руки бросили ее в горящий дом. Кажется, девочка была в одной сандалиии. Карл не мог знать, что спустя десятилетия обгоревшая сандалия будет находиться в козельском краеведческом музее – как немой, но красноречивый свидетель ужасов прошедшей войны, свидетель невероятных жертв советского народа, которые он принеся во имя грядущей Победы. Более того, посетители музея, конечно, не могли и предположить, что спустя десятилетия нечто подобное может случиться и в наши дни.

...Снующие около горящих домов солдаты, запах дыма и еще чего-то удушливо – сладкого – ядовитый дым шло от горящих заживо человеческих тел -, заставили Карла отойти в сторону. И он в который раз пожалел, что не согласился некоторое время назад этапировать в Германию, к себе на родину, эшелоны с землей. Да, с обычной черной, рассыпчатой, плодородной русской землей. Тогда ему казалось, что покидать действующую армию – предательство. Сегодня же, когда перспектива свидания с Эльзой таяла на глазах, более того, он мог быть убит в этой безжалостной войне, Карл ругал себя за непродуманный отказ. Стоя в стороне, молча наблюдал он, как рушатся крыши горящих домов...

II

Движения Карла были решительны. Краем сознания он даже зафиксировал куклу в руках ребенка. «Наверное, Барби», – подумал он. Эта кукла, очевидно, и спасла жизнь девочки. У

Карла самого было две внучки. Он сейчас возвращался от них. В свободное от работы время (а Карл работал в секретном аналитическом центре) он любил повозиться с малышками, порадоваться вместе с ними такой прекрасной жизни.

Тогда, в сорок пятом, жизнь казалась Карлу конченной. Ему как офицеру немецкого рейха, участвовавшему в карательных операциях, грозили, как минимум, тюрьма, долгие годы заключения. Но тогда же, в сорок пятом, вместе с другими пленными офицерами высокого ранга он неожиданно и спешно был вызван в США. Впрочем, неожиданно только для самого Карла. Там, в Америке, в Центре Джона Фостера Даллеса решили, что его опыт военного практика, опыт борца с Россией пойдут на пользу новому делу. Тогда, считали в Центре, было важно разобраться в причинах поражения Гитлера, подумать, как по-другому свалить могущественный Советский Союз.

«Русский орешек» оказался для фашистского зверя необычайно крепким. И дружба народов этой огромной страны оказалась не фальшивой, как кое-кто тогда полагал на Западе, а искренней и братской.

И самыми крепкими оказались, как ни странно, не русская броня, а люди, их сознание, вера в Победу, готовность погибнуть во имя святой для них цели. Нужно было действовать по-другому. После войны Карл это уже ясно понимал. Очевидно, это и привлекло к нему специалистов из американской разведки. Ставку надо было делать не на силу, а на хитрость и обман, на размывание сознания этих людей, среди которых встречаются и иуды, на изъяны в душе славян, на те выбитые ниши в их сознании, которые раньше занимало православие.

«Очень важно, – писал тогда Карл в докладной записке, – чтобы украинцы считали, что кормят русских, а русские, в свою очередь, что кормят украинцев, чтобы узбеки считали, что своим хлопком одевают русских, прибалтийцам следует повседневно внушать, что на их территории находятся оккупанты. Пусть русские будут всем должны, перед всеми оправдываются, националистические устремления следует всемерно разжигать и поддерживать...».

Жизнь показала позднее, что стоило некоторым деятелям, откровенно рвущимся к власти, подбросить идею «суверенизации», как дело резко сдвинулось с места. Процесс пошел, как говорил их тогдашний лидер, самодовольный, многословный

и тщеславный, позднее ставший «лучшим немцем года». Тогда было пущено в ход всё: на «бедных Иванов» посыпались обвинения и из Карабаха, и из Тбилиси, и из Ферганы, и из Прибалтики. Теория, разработанная далеко за океаном, заработала, черной чумой стала расползаться по России. В стране появились лавочники и спекулянты. Многих из них совершенно не волнует, что падает национальное производство, растёт число безработных, что сама страна постепенно превращается в колонию. Зато растут доходы новых хозяев, пухнут их кошельки, они могут свободно позволить себе и «Мерседес», и отдых на Канарах. Ну, а то, что техничка в школе получает мизерную зарплату, – это её проблемы, это их не волнует и не должно, как они считают, их волновать. Правда, при этом песню: «Пусть хоть весь мир лежит в развалинах. К черту, нам на это наплевать!» петь вовсе не обязательно. Многие молодые люди вступили в организованные криминальные группировки, пыльным цветом расцвели преступность, коррупция, терроризм. Всему этому и посвятил себя Карл последние пятьдесят лет.

...Он резко свернул в сторону. Маленькие железобетонные столбики дорожного ограждения приняли удар на себя. В ушах Карла раздался отвратительный скрежет, глаза успели отметить побегом по стеклу трещинки в виде тысяч маленьких лучиков. Страшный удар потряс его, и он потерял сознание...

III

Когда Карл очнулся, он несколько секунд не решался открыть глаза. От дикой боли раскалывалась голова.

– «Что произошло, где я? – спросил он себя и вспомнил пустынное шоссе, девочку, выбежавшую на дорогу, резкий поворот, скрежет тормозов, удар. – «Очевидно, я в больнице», – Карл открыл глаза. Неярко светила лампочка. За соседним столом сидели мужчина и две женщины. Одна из них – Эльза. Карл узнал её сразу.

– Опасность миновала, – негромко говорил мужчина. «Доктор», – определил Карл.

– Больной три дня находился без сознания, – продолжал доктор, – сотрясение мозга, но черепно-мозговой травмы нет, рентген показал трещину правой ноги, остальные ушибы средней тяжести. Но вот что меня беспокоит, – мужчина сделал паузу и заговорил тише. Слышно было, как вскрикнула Эльза, как вторая

женщина – медсестра – давала ей какое-то лекарство.

«Что сказал доктор? Что он сказал?» – подумал Карл и снова провалился в беспамятство. Когда он очнулся вторично, голова у него уже не болела. В палате сидела Эльза. Заметив, что Карл открыл глаза, она быстро подошла к нему. Лёгкий аромат французских духов ударил Карлу в нос, немного закружилась голова, когда он почувствовал на щеке прикосновение губ Эльзы.

– Ты будешь здоров, Карл, – волнуясь, говорила Эльза, – это теперь самое главное.

Карл в действительности почувствовал прилив бодрости и впервые после аварии улыбнулся.

Долго разговаривать не разрешила медсестра. Эльза прошла к врачу, который, усадив её в мягкое кресло, заговорил доверительным тоном. Расстроенная, напряжённая Эльза со вниманием и доверием слушала доктора. То, что сказал он, чрезвычайно взволновало её. Карл может остаться лежачим инвалидом – травма позвоночника внушает опасение. Требуется операция. За положительный исход можно ручаться, но... потребуются большие расходы.

– Я согласна, лишь бы помогло ему, – быстро проговорила Эльза.

– Да, необходимо делать трансплантацию костного мозга, нужен донор. Вы понимаете меня, – продолжал доктор, – живой, я подоживаю, живой поставщик костного мозга.

– Помогите ему, – взмолилась Эльза, крупные слёзы потекли из её глаз, – все расходы будут оплачены, за работу вы получите большое вознаграждение. Ищите донора хоть на краю света.

«На краю света не потребуется, – подумал доктор, – а вот в России у нас есть филиальчик в виде коммерческой больницы». С хозяевами этой больницы-клиники доктор имел связь. Сама по себе клиника была не большой. Главным же её занятием были поставки внутренних органов и тканей для последующей трансплантации. Причём делалось всё это в международном масштабе. И если на Западе с этим ещё как-то борется полиция, то для русских бизнесменов был открыт настоящий медицинский золотой Клондайк: несовершенство законов, продажность чиновников, равнодушие государства и общества к проблемам своих граждан, потеря моральных, нравственных устоев, – всё это способствовало безнаказанности этого «дикого» промысла.

И сам лозунг из сатанинской библии «Бери от жизни все» выполнялся здесь безукоснительно. Больница, о которой подумал доктор, имела операционную, отдельные спецгруппы боевиков по выявлению и отлавлыванию потенциальных доноров. При этом доноры должны быть молодыми, сильными, здоровыми.

Кому нужны почки или печень алкоголиков? В секретной операционной клинике донора «потрошили». Клиника также имела секретный крематорий, специальную похоронную команду.

Связаться с представителями данной клиники большого труда не составляло. За доллары они готовы были сделать все.

IV

По улицам Москвы, разрывая вечернюю мглу воем сирены, мчалась «Скорая помощь». В машине лежала умирающая Любка. Судьба не баловала эту четырнадцатилетнюю девчущку, родившуюся неподалеку от той деревни, которую когда-то безжалостно уничтожила команда Карла. Отца они с пятилетним братом Васяткой лишили рано: он, пьяный, поехал на тракторе в соседнюю деревню за самогоном и разбился.

Мать, работавшая техничкой в школе, изо всех сил тянулась, чтобы хоть как-то накормить и обуить, одеть детей, не чуралась любых подработок. Но с каждым месяцем ей все труднее было сводить концы с концами. Непосильный труд, плохое питание сделали свое дело. Приходя с работы, она буквально без сил валилась на диван. Как-то, заметив необычно бледный вид технички, директор школы прямо с работы отправил ее в больницу. Сделанные врачами анализы показали очень низкий гемоглобин в крови. Доктор посоветовал изменить питание: больше употреблять отварной говядины, свежих фруктов, орехов... Мария слушала его советы с отрешенным видом: какие орехи, когда на хлеб не хватает...

Болезнь прогрессировала. Глядя на мать, Любка часто плакала. Всю домашнюю работу она теперь выполняла сама, но мать все равно уставала, угасала прямо на глазах. Умерла она в начале мая. В канун Дня Победы похоронили ее на тесном от могил городском кладбище. Похороны были скромными. Школьный кочегар Василий сам вырыл могилу. Школа же оплатила гроб. Помогли добрые люди, своих денег на собственные похороны у Марии не было. Собранные когда-то по крупицам 300 рублей

превратились в ничто...

День Победы. В Любкиной семье он всегда был праздником. Они очень гордились своим дедом, погибшим в последние дни Великой Отечественной.

В семье бережно хранилось письмо, присланное бабке его однополчанином. Пожелтевший листочек, исписанный неровным почерком, с разбрызганными местами чернильными пятнами.

«Дорогая Евдокия! – писал незнакомый солдат матери Марии. – Письмо – похоронку ты, наверное, получила. Хочу написать тебе, как погиб твой Иван. Погиб он 24 апреля...

...Гитлер, чувствуя, что приходит его конец, за несколько дней до своей собачьей смерти приказал затопить берлинское метро. Там пряталось от бомб и снарядов много народа. Иван вместе с другими солдатами был послан для того, чтобы как можно быстрее вывести немцев из метро на поверхность. Электрического света в метро не было, и они светили фонариками-жучками. Сначала шли по колено в воде, потом по пояс. Иван держал на руках немецкую девочку. Когда идти было уже нельзя, поплыл вместе с ней. Повсюду раздавались крики, плач. Кто-то не умел плавать, хватались за чемоданы, узелки, доски. Люди плакали и тонули. Вот что сделал зверюга Гитлер, даже своих не пожалел. Тех, кто добрался к выходу из метро, поднимали на веревках. Ивана подняли вместе с девочкой, звали ее Инга.

Не успел Иван рассказать нам, что дома у него осталась такая же вот маленькая дочка, как ударил выстрел. Пуля попала Ивану в спину. На чердаке соседнего дома нашли немца, который стрелял в Ивана. Это оказался мальчишка лет четырнадцати. Иван был еще жив. С трудом он прошептал: «Это Гитлер виноват. Отпустите мальчика...».

Когда немец побежал, кто-то поднял автомат, но опустил его, посмотрев на Ивана. Тот был уже мертв.

Сначала похоронили его на месте гибели, а потом перезахоронили в Трептов-парке. Хороший человек был твой Иван. Мир его праху».

Как-то, увидев в учебнике истории картинку, на которой был изображен памятник солдату, воину-освободителю в Трептов-парке с девочкой на руках, Любка спросила Марию: «Мама, а может, это наш дедушка?».

– Не знаю, дочка, – задумчиво ответила Мария, – может, и вправду он.

И вот теперь, вернувшись с кладбища, Любка вытащила из шкатулки пожелтевшее письмо и заветную картинку, которые с недавних пор хранились вместе.

– А мамке на могиле даже памятник поставить не на что,
– горько пожаловалась она деду...

V

После смерти матери Любка оказалась в интернате. Здесь ей даже понравилось. Ребята и учителя оказались добрыми и дружными. И она с удовольствием ходила в походы, занималась в различных кружках. Особенно Любка подружилась с одной девочкой – Викой, хотя они не были похожи друг на друга. Любка любила природу, могла часами лежать в тишине на какой-нибудь поляне, Вика же, наоборот, обожала игры, танцы. Ей постоянно тянуло в компанию друзей. Они сидели вместе за одной партой, жили в одной комнате и постепенно привязались друг к другу, стараясь вместе дежурить на кухне, в корпусе, комнате.

Так прошёл год. Любка заканчивала шестой класс, впереди её ждали летние каникулы. Но вскоре произошло ещё одно событие, коренным образом изменившее её жизнь.

Сотрудник столичной брокерской конторы, занимающейся посредничеством в усыновлении детей иностранцами, привёз в интернат супружескую чету Осборн. Лиза и Ник работали рядовыми чиновниками в посольстве США в России. Представитель фирмы сообщил директору интерната, что они хотят усыновить двух детей, лучше девочек. Лиза объяснила, что живут они вместе уже около двадцати лет, но своих детей так и не завели...

Выбор супругов пал на Любку и Вику. Так они оказались в Москве.

Москва произвела на Любку и Вику странное впечатление. С одной стороны, приличные родители окружили их вниманием и заботой. Учились они в обычной, а не в элитарной школе, что объяснялось её близостью к дому. Лиза и Ник посчитали, что самостоятельно пользоваться транспортом девочкам на первых порах будет затруднительно.

С другой стороны Москва явилась им совершенно не такой, какой они себе её представляли. Вместо гордых, приветливых, спокойных москвичей, как они себе их представляли, Любка и Вика увидели серую массу вечно спешащих, не обращающих ни на кого внимания, задорных, толкающихся на остановках,

огрызающихся в общении с незнакомыми людьми. Особенно шокировали их грязные нищие и бомжи. Но постепенно они привыкли и уже как заправские москвички бегали на переменах покупать мороженое, жвачку, также толкались, продираясь сквозь встречные потоки народа.

В этот роковой день занятия в школе закончились немного раньше обычного, но Любка задержалась ещё на урок, чтобы выпустить с другими членами редколлегии стенную газету. Вика сказала, что будет ждать её в школьном дворике.

Когда Любка вышла из школы, Вики на месте не оказалось. А к ней быстро подошла Олеся, которую в школе звали Киса.

– Вике стало скучно, – пропела она, – и она ушла к Анжелике, сказала, чтобы ты за ней зашла, пойдём, провожу.

Любка знала Анжелику, она училась в восьмом классе, и после уроков её обычно ждал какой-то рыжий парень с равнодушными серыми глазами навывкате. Любке она не нравилась, и в другое время она никогда бы к ней не пошла, но теперь там была Вика, и им пора было возвращаться домой.

Первое, что увидела Любка, когда они вошли в незнакомую комнату, это белые раскинутые ноги Вики, которые держали какие-то подонки. Рядом стоял полупьяный мерзавец и ухмылялся.

Вика приподняла растрепанную голову, увидела вошедших и закричала:

– Беги, Любка! Уходи!

Киса, стоявшая позади Любки, толкнула её:

– Чего бежать-то. Скоро четырнадцать, а всё в девочках ходит...

Любка оглянулась, бросилась к двери, но там уже стоял незнакомый коренастый парень. Она быстро оглядела комнату. Было сильно накурено, и дверь на балкон приоткрыта. Мгновенье и она оказалась за этой дверью.

– Не подходи, – закричала Любка, в то время как рыжий парень открывал дверь.

Увидев, что тот всё-таки приближается к ней, она перекинула своё наливающееся силой девичье тело через перила балкона, даже не подумав, что находится на пятом этаже.

... В кабине «Скорой помощи» зажглась красная лампочка. Сидевшая рядом с шофёром медсестра взяла трубку рации.

– Везите пострадавшую в частную клинику, – раздался

металлический голос диспетчера «Скорой». – Доктор Гольдин сегодня дежурит там. – Диспетчер сообщила адрес клиники. Шофёр негромко выругался и повернул машину.

...Ассистент доктора Гольдина Игорь Лысенков сегодня тоже дежурил. Подошедший к нему доктор сообщил, что через пять минут подвезут выпавшую из окна девочку.

Состояние пострадавшей оказалось чрезвычайно тяжёлым. Она уже умирала.

– Обезболивающий укол? – спросил Игорь.

– Бесполезно. Ей ничего не поможет, а вот костный мозг можно повредить.

Девочка была без сознания, но губы её шевелились, она что-то шептала. Два врача молча стояли рядом. Игорь во всё привык слушать доктора. Он уже понял, что сегодня им предстоит взять у этой девочки костный мозг.

– Завтра вылетаешь в Берлин, утренним рейсом, – сказал доктор, – в научную командировку от института.

Игорь согласно кивнул.

– С собой захватишь посылку, – доктор многозначительно поглядел на Игоря, – главное, чтобы не было срывов рейса, чтобы не подвёл «Аэрофлот» или как он теперь называется...

VI

Роскошный, ярко раскрашенный, комфортабельный автобус остановился неподалёку от Спасской башни Московского Кремля. Из него стали выходить немецкие туристы. Откуда-то незаметно к ним подбежали русские школьники: мальчишки и девочки десяти – двенадцати лет, стали предлагать открытки с изображением русских святых, видами русских городов, значки, другие нехитрые сувениры. Немцы охотно покупали безделушки, начали подниматься вверх по направлению к Красной площади.

Из автобуса, прихрамывая, опираясь на шикарную трость, вышел Карл, огляделся. Так вот она какая, Москва! Поглядел на удаляющихся от него коллег-туристов. Почему-то вспомнились кадры старой кинохроники: пленные немцы нестройной колонной, небритые, оборванные и грязные, бредут под конвоем по Красной площади. Те времена ушли, и как считал Карл, ушли безвозвратно.

Сложные чувства испытывал сейчас Карл. Это были чувс-

тва борца, борца, участвующего в жестокой схватке с гордым и могущественным противником, который тогда, в сорок пятом, одержал сокрушительную победу над ним, Карлом. Сейчас же чувствовалось, что противник устал, морально сломался. Сами участники войны постарели, многие покинули уже этот мир. Живые, лишившись многих послевоенных привилегий, разорённые дикой либерализацией цен, новыми рыночными реформами, в отчаянии доживают последние дни.

«Да, измотали их наши реформы, – подумал Карл. – Цели войны во многом достигнуты мирным путём. Полным потоком, как говорил раньше Хрущёв, потекли богатства России на благо западной экономики. Чего ещё желать? Западная экономика крепнет, развивается, можно и России, как кости собаке, кинуть свои отходы лёгкой промышленности, свою эрзац-культуру. И пусть российские потребители задыхаются от нехватки нефти, пусть мёрзнут в своих квартирах, пусть ставят на «прикол» свои машины. Пусть останавливается и разрушается производство, пусть новые тысячи людей пополняют армию безработных, зато «Лучший немец года» и лучший друг канцлера Колля могут быть довольны: их ценят, любят и уважают».

Пройдя немного вверх, Карл увидел Лобное место и Мавзолей. Торжественный ритуал смены караула у Мавзолея был уже отменён, но очередь в Мавзолей была большой. «Недолго тебе осталось здесь лежать, – усмехаясь, подумал о Ленине. – Мы вытравим из русских всю историю, все их победы. Но что движет этими людьми, идущими к Ленину? Любопытство, ностальгия по прошлому? И сам себе ответил: жажда справедливости, желание понять истину. Наивные люди. На дворе третье тысячелетие, а они всё мечтают о справедливости. Пора уже бы им понять, что миром правят сила, хитрость, выгода. Их и октябрь 1993-го не отрезвил, и более чем семидесятилетний государственный атеизм. Видно, православие заложено у русских в генах. Ну, ничего, следующий удар, по нашему плану, будет нанесён именно по русской Церкви».

В очередь к Мавзолею Карл становиться не стал. Он приехал сюда на научную конференцию по приглашению одного из коммерческих фондов. Тема конференции «Русские и немцы – жертвы сговора Гитлера и Сталина». Докладчиком был утверждён известный военный историк Д. Лисогонов. Он давно уже в своих описаниях пытался доказать, что триумф и трагедия

Возвращение

Сталина произошли как порождение рабского сознания русского народа, что только под палками ГПУ, НКВД, а затем и КГБ русские умеют что-то строить. И если и построили Днепрогэс, Магнитку, металлургические комбинаты в Сибири, Беломорканал, то только под угрозой возможного расстрела и силами заключенных. Особую роль в войне отводил Лисогонов штрафбатам. Именно они, по его мнению, спасли Москву, именно они сыграли решающую роль в Победе. Штрафбатовцы воевали, не отступая, боясь получить пулю в лоб от своих заградительных отрядов. Что же касается русских военачальников, в частности, Жукова, то они могли воевать только большой кровью, за счет огромного числа жертв. Вот парижане, те молодцы, вовремя отступили, сдали город немцам, но зато сохранили его от разрушения, сохранили и гражданское население. А ленинградцы почему-то жили в блокаде, голодали, гибли сотнями тысяч, а ведь могли и спастись. И город сам пострадал бы от снарядов меньше. И все от жестокости военачальников...

После завершения конференции е участники должны были присутствовать на торжествах по случаю 50-летия Победы в качестве почетных гостей. Странная ирония судьбы. Тогда, в сорок первом, Карл не дошел до Москвы какие-то 50 километров. На его пути стояли тогда Советская Армия, Маршал Жуков. Спустя 50 лет улыбающийся Карл стоял на Красной площади, и через три дня он будет отмечать здесь... Конечно, не поражение.

...где-то, в 10-12 километрах от него, покоилось в земле сожженное тело русской девочки. Нет, не той, сожженной в козельском Побуже. Другой, рожденной в олимпийском году, девочки, подарившей Карлу вторую жизнь. Ей бы жить и жить. Любить, рожать детей, радоваться жизни. Жизни трудной и сложной, но удивительно прекрасной. Жизни, которую защитили в грозные сороковые е деды и прадеды, жизни, которую обязательно защитят е отцы и братья и в наши тревожные дни.

Козельское общество русских литераторов

Любовь ДОЛБИНА

Козельские мелодии

АЛЬМАНАХ

Злой Град

Май, ты прекрасен!

Слова и музыка: Долбиной Л.А.

1
 4
 7
 10
 13
 16
 19
 22
 25
 28
 31

Май, ты прекрасен, чист и счастлив!
 Какая благодать и природа новой идеей!
 И соловей, на ветке не замечен,
 Душивно, замечательно поет!
 Прилет: Природа прощается, нам солнце улыбается
 И первые цветы уже цветут. Нам веселка зеленеет,
 Гостерь уже вскопал, владостные песенки поет.

Любовь Кузьминична ДОЛБИНА

Родилась в Козельске 25 мая 1954 г. Училась в Козельской средней школе №1 и музыкальной школе. Окончила Калужское музыкальное училище и Московский институт культуры. Вся трудовая деятельность связана с детьми, с работой в школе. В 2002 г. в РДК Козельска состоялся авторский концерт Любви Долбиной. В настоящее время работает завучем по воспитательной работе в средней школе деревни Каменка. Руководит хором ветеранов.

Поэт-песенник, композитор и исполнитель авторской песни. Ей принадлежит ряд песен, посвященных родному краю, - «Козельчанка», «Гимн Козельска» и музыка к песням на слова козельских поэтов.

Весенний романс

Слова и музыка Долбиной Л.К.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44

1. Вес-на при-шла не-ждан-но так и сме-ло,
Кру-гом за-се-ле-не-ло, за-ве-ло,
И жа-врон-ки все в-зды-сь за до-ло,
Рас-сы-па-ли тре-ли в по-ле на се-лом.

2. И крас-ка-ми при-ро-да за-игра-ла,
За-те-ла от не-д-рот та-ких ве-м-ных,
И ду-ги, сло-вно в гла-з, ве-сна за-бра-ла,
Ве-сен-ним сча-стьем о-ца-рить род-ных!

при-вет-те день ве-сен-ний до-ла-ри-те вес-ки!

44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

1. Весна пришла неожиданно так и смело.
Кругом засеяно, засево,
И жаворонки все вздысь за дело,
Рассыпав трели в поле на селом.

ПРИПЕВ:
Весеннее тепло, от солнышка светло,
И сердце человека подобраго!
От солнечных лучей и на душе теплое,
Пусть радость день весны подарит всем!

2. И красками природа заиграла,
Затела от недрот таких земных,
И дуги, словно в глаз, весна забрала,
Весенним счастьем оцарить родных!

ПРИПЕВ:

Ты радуйся природе

С движением, пасторал.

Слова и музыка Людмила Д.К.

The musical score is written for a single melodic line in G minor, 3/4 time. It consists of 33 measures. The key signature has two flats (Bb and Eb). The score includes various chords: Gmin, C, F, Bb, D, D7, and G. The lyrics are written below the notes, with some words in italics. The score ends with a double bar line and repeat dots.

1. Здорово, когда ты утром рано улыбаешься солнцу из окна.
И природа, красками играя, улыбнется как она!
ПРИПЕВ: Ты радуйся природе в любое время года,
Неважно, это осень или весна.
Пусть падает снег или, или каплет дождиком,
Пусть это только радуется тебе!
2. Здорово нам играть в ручьях лужам, и никакой ни лужи не боимся.
И не забывает при всем при всем бездельно природу нам любить.
ПРИПЕВ:
3. Стань природу с детства старшим братом, береги ее от всех невзгод.
И природа вас сполна одарит красочной каждый год!
ПРИПЕВ:

Козельское общество русских литераторов

Владимир Ильин

**Немного лирики
не помешает**
Стихи

АЛЬМАНАХ

Злой Град

Владимир Борисович ИЛЬИН

Родился в 1950 году в Калуге. С 1992 года в Козельске. Главный редактор газеты «Козельск». Член Союза журналистов России. Публиковался в «Журналисте», «Медном всаднике», «АИФе», «Комсомольской правде», «Советской России», «Известиях».

Член российского Союза профессиональных литераторов. Председатель Козельского общества русских литераторов, главный редактор альманаха «Злой град». Автор книг «Поколение победителей», «Да проявится лицо человека», «Русский императив», «Возвратись домой».

Немного лирики не помешает

На краю Любви

Аксиома любви

Океаны бороздить -
Судьбу мерить...
А Отечество любить -
Крепко верить...

Женский обычай

Есть женский обычай
Вперед забегать,
Вперед забегать,
Но года не считать.

Хороший обычай,
На все времена,
Поэтому женщина
Всегда молода.

Красота земная

Раисе Белозеровой

Радуйся, душа, живи, любя, играя,
Радости, любви еще немерный отрез.
В августе тебе желаю ландышевого мая,
Чтоб всего хватило и осталось позарез...

Красота опущенных ресниц
Красоты твоей не умаляет.
Взгляды глаз – раскат зарниц,
И разят, и обожествляют...

Красота в руках опущенных,
Волосах, немножечко распущенных.
Чистота в лице, как лик прописанном,
Но еще не понятом и не описанном.

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

А писать приходится самой,
Отдавая часть себя газетным будням.
Эта часть, что называется душой,
Служит каждой строчкой людям.

Люди узнают твой почерк:
В каждой строчке правда, не обман,
И пока написан только очерк,
Впереди еще большой роман...

Гарделли – нет!?

По-разному с неба падает снег:
На твои ресницы словно детский смех,
На скамейку в парке, где сидели,
Льдинками, как на картинах у Гарделли.

Снежными колючками покрылись розы,
Без тебя не раскочать качели,
Без любви рисую я березы,
Как у бесподобного Гарделли...

Трудно без тебя и в жарком Дели,
Снова я хочу в стихию снега,
Снова я хочу побольше смеха,
Но не в миражах Гарделли...

Камень на счастье

Цепочка прожитых лет,
Как нитка камней бесценных,
Где каждый год – особый след,
Особый свет, особый цвет дней бранных.

И вот, считай, собралось их ожерелье:
Счастливое, светлое многоцветье.
И самая маленькая бусинка – радость и веселье:
Боготворит твое долголетие.

Камни нашу душу берегут,

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Не тяготят, не наводят на грусть.
Не сетуй, что года так быстро бегут,
Счастье тебя не покидает пусть.

Шестидесятники

Анатолию Кухтинову

То выше, то ниже,
То на Голгофу, то в ад.
Человеку то и ближе,
Чему он меньше рад.

Мечтали о звездах, снегах и Снежанах,
Любили друзей, вино и больше всех одну.
Читали чужие стихи в альманахах
И верили, верили в чью-то звезду.

А жили, как все, не выбиваясь,
Мечтали, писали, влюблялись,
Нередко и мы ошибались,
Но не роптали, в Любви оставаясь...

Не забудь!

Звездопадом промелькнули прошлые года,
Кто-то уж другой любит луну,
Повторяя, как во сне, знакомые слова,
Оставаясь молодым наедине с фортуною.

Август рыжий позолотой листьев
Украшает твой вишневый сад.
Околдованный, под шорох плиссе,
Я ловлю прощальный взгляд.

В небе звезды заиграли,
Освещая темной ночи путь.
Тишина. И только двое ждали,
Кто– же первый скажет: «Не забудь!»

Тост

Я отвергаю нелюбовь,

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

А также не люблю свободу,
Когда для женщин чья-то кровь
Лишь аметист, лишь мода...

Свободных женщин не должно.
Любая скажет: «Все возможно».
Порой, бывает, это можно,
Но верный друг – куда надежней!

За верных женщин и мужчин
Сей тост поднять желаю.
Ты не одна, я не один -
За нас я стоя выпиваю.

Без тебя

Без тебя я стал сорокалетним,
Не нажив ни счастья, ни добра.
Стало серебро висков моих заметней,
Знаю – ты не против серебра.

Весеннее настроение

Какой чудесный день!
Гуляю я без мамы.
Гуляй и ты, малыш-олень,
Ушастик мой, красивый самый.

Духовное

Брату Александру

А жизнь продолжается, брат!
Судьба таинственна и одиозна,
А жизнь крута и лучше во сто крат.
Плохо, коль душа не дышит и безбожна.

Боровск святыми ликами прописан
Тобою за много-много сто граммов.
Ты же русский и не так воспитан,
Чтобы не помнить имя нашей мамы.

Руки

Я посмотрел на руки,

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Не просто, не от скуки:
Какие пальцы тонкие,
И сильно прокуренные...

Я не был силачом, крутым,
Спокойно жил и был любим.
Пуская в небо «Беломора» дым,
Я думал: «Бог даст – победим!»

А руки нужны не для скуки:
Ими можно поднять и обнять,
Ими можно убить и любить,
Можно Господа благословить...

Как в сказке

Слышу голос Всевышнего
(Это я полубог и атеист):
Полюби своего ближнего,
Полюби Ее, полюби...

Гласу этому да не внять,
Чтоб потом на судьбу не пенять,
Поступаю, как в сказке,
И люблю по небесной подсказке.

Я люблю тебя, милая,
Как сама любовь, дорогая,
И живу этой силою,
Вкушая ее и оберегая...

Уедем в Коктебель

Оставим дома суету и передряги,
Возьмем билет на поезд за Сиваш,
Сначала нас мечта домчит до Кара-Дага,
А там – весь беспокойный мир наш.

Пусть Чертов палец поведет по кромке моря
Корвет любви, который нас домчит туда.
Ворота Золотые мы откроем без труда,

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

У Лисьей бухты бросим наши якоря.

Твоя душа здесь обретет покой,
Твои глаза увидят бездну звезд.
И черных дыр не будет над тобой -
Лишь ты да я, и мир без шумных гроз.

Глаза-халцедоны раскрой
И убедись на деле:
Надежда, подаренная тобой,
Ждет встречи в Коктебеле.

Весеннее ассорти

Сегодня солнце ярко светит,
Огурчик на окне цветет...
Мужик сегодня не заметит,
Что в сумочку тебе кладет...

А там алмазик драгоценный,
Духи «шанель» разлива пять -
«Все для тебя, мой друг бесценный», -
Не устает он повторять...

Весна идет, придет успех...
Любовью одарить бы всех.
Амур-шалун не пошутил,
Тебя стрелою поразил...

Любви не бойся ты своей,
Иди навстречу ей смелей.
Иди и в парке, и в манто,
Люби и в парке, и в метро...

Люби везде, люби всегда,
Любовь дари, любима будь...
Идут года, но никогда
Про ЭТО ты не забудь...

К «Яру»

Если к «Яру» дороги не знаешь
И с цыганами встречи не ждешь,

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Значит сильно ты, парень, скучаешь
И с кручиной в обнимку идешь.

Добру молодцу так не годится,
На миру ведь и смерть красна.
Глянь, вся улица уж веселится,
Ну, а девушки наши – прямо весна.

Максима

С приходом весны оживает земля.
А душа?
Она замирает, если нет любви.
Такая простая максима.
Но не для всех!
Кричи не кричи – никто не аукнется.
Грусти не грусти – прошло все рядом.
И даже не близко!
Не жди – не придет это чувство редкое.
Никогда!

Июль

С короткой трелью соловья,
Раскатом грома и дождями,
С травой по пояс у ручья,
Душистой ягодой, с грибами,
С жарой палящей и водой,
Манящей теплотой с рассвета,
Наверное, для нас с тобой
В июль вкатилось лето.

Памятуй

Слова любви,
Как клятва мести,
Слова любви
Есть дело чести.

Над Жиздрой

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Над Жиздрой

Над Жиздрой утро вешнее
Купается в небе голубом,
Шмели, слегка помешанные,
Жужжат в лугу цветном.

Над водой туман клубится,
Парное молоко стелется,
Стелется, клубится. Покой
Кругом такой. Тайна – постой.

Увидишь мир прекрасный,
Захочешь с ним дружить.
Над Жиздрой, над Жиздрой
Нельзя весной тужить.

Еще сирень...

Еще сирень бушует в вашем палисаде,
И соловьи в округе не устали петь,
И луг за Жиздрой словно в изумруде -
Сюда бы вместе нам, желанная, поспеть.

Две пары рук, две пары ног босых,
Два сердца, бьющихся, как в унисон.
И время от зари до зорьки словно сон -
Не надо слов высокопарных, хватит и простых.,

Татьяна знает про любовь к природе,
Я знаю про любовь к Татьяне.
А от любви безудержной, в каком-то роде,
Всегда готов быть под луною пьяным...

Не надо мысли будоражить,
Сегодня тихо надо жить.
Как у Моды была «Ротонда»,
Так у меня Татьяна есть.

Апрель

Жизнь начинается шутя в апреле,
Поверь, что белая спина – ничто,

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Когда влюблен, а с крыш капель,
И целый день без дымки небо чисто.

А гуси возвращаются на Родину,
В полнеба разметался караван их.
Я видел, как садились серые на льдину,
На вешнюю воду, и вскоре гогот стих.

В разводье рек раздолье солнечным лучам,
Раздолье первоцвету, первопуху, рыбакам...
Верба покраснела – святиться скоро куличам
В той маленькой церквушке, где ветлы по бокам.

Христосоваться будем, не таясь людей,
А после поста запряжем лихих коней
И соберем веселых, дорогих гостей.
В апреле свадьба – песня лебедей.

Я радуюсь дождю

Я радуюсь дождю,
Идущему не по календарю.
Я шлю привет вождю,
Вступившему на миг государю.

Я радуюсь дождю,
Который льет напропалую,
На радость урожаю -
Картошке и «буржую».

Я радуюсь дождю,
Вспугнувшему влюбленных,
Не от дождя дрожу -
От глаз твоих зеленых.

Я радуюсь дождю,
Идущему вкосу...

У старинного пруда

Село Подборки. Жаркий день.
А здесь прохлада, тина, тень...
Склонилась липа над прудом,

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Чуть выше виден дьяка дом.
Нет-нет, проедет мимо свадьба
И потревожит чудный сон.
И снова тишь, и снова гладь...
И днем, и ночью ловит взгляд
Воды зеленой окоем
И липу старую на нем...

Осень

Хочется очень
Закутаться в плащ.
В данном случае точен
Твой убийственный плач.

Осень в России -
Дрянь и дрязг дорог.
И любить не в силах,
Когда сильно продрог.

Ликуют свинцовые тучи,
Любви пожара нет,
Надеюсь только на случай,
Когда и случая нет.

Сентябрь осерчал,
Устыдившись тепла.
По холодку повстречал
Любовь, как она мила...

Я поднимаю бокал за...

Я поднимаю бокал за пьющих,
Но никогда не пьяных, а веселящих,
Делающих добро, Диониса славящих,
Подвыпивших и мирно спящих.
Я поднимаю бокал за то,
Чтобы наполнились чаши Диониса,
Чтобы никогда, нигде и никто
Не оставался без Хлеба и Vina.

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Я поднимаю бокал за Вино,
Которе Богом нам дано
И крестьянами Божеле,
Далекого, о Боже, Божеле.

Я поднимаю бокал за «Изабеллу»,
А также Веру, Надежду, Любовь,
Диану, Марью Ивановну и Бэллу,
За всех, в ком Дионис возбуждает кровь.

Мой конь

Другое время на дворе,
И молодость уж за порогом.
А счастье улыбнется детворе:
В кудряшках и обласканной Пророком.

А счастье, как синяя птица,
Летит и мимо пролетает.
Не всегда различишь его лица,
И что-то в душе не расцветает.

Несчастье тоже не обходит стороной,
Но пусть береженого Бог бережет.
Ты не спотыкайся, мой конь вороной,
Конь молодой, пусть тебе повезет.

Но бег наш с тобою
Не веком отмерен.
Устал я уже и седой,
Тебе одному остался верен.

А вера, последняя вера
Друзей иногда покидает.
Всеми есть своя мера,
Это мой конь понимает.

Куда ушли куманы?

Да, жизнь базар,
И Пушкин в ней разменная монета.
Мне жаль хазар,
Их больше с нами нету.

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

И нет уже романтики в Гомере,
И парус не поднимут аргонавты,
И стали челноками Прокрусты и Химеры
И загибают словно космонавты.

И, как века, растаяли туманы,
А слезы стали озером Эльтон.
Куда, куда, куда ушли куманы?
Наверное, туда, где синий Балатон.

Я больше не увижу скифа и сармата,
Ковыльная история отправила их в никуда.
Остались только азиаты и приматы,
Я даже брата вижу иногда.

История дала большого маху,
И крейцер – грош, и рубль – грош.
И люди не читают в мае Маха,
И их за это ты не упрекнешь.

В моем уме, почти что гениальном,
Мысли, как в склепе-полуподвале.
Я вниз качусь и все ж держусь
За веру, за любовь, за Русь...

Один на один с винтовым

Гусей крикливых караван
Тянулся с юга – в Магадан...
И дело было в полуплете,
И сбоя не было в полете.

А день весенний угасал,
Над Жиздрой месяц зависал.
Устал вожак, устал косяк,
Но не устал один мудака.

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

День был учебный в РВСН,
День был весенний...
И жгли сегодня керосин,
Без крыл летая и вершин.

Их было в небе штук 500,
Шли клином – курсом норд.
Винт режет воздух, не трясет,
Мудака решил идти вперед.

Не вижу номер бортовой,
Идущий на гусиный клин.
Вожак, ты прибыл не домой,
Винтит машина, правит блин.

Летели гуси, сесть хотели,
Не ждали встречи с винтовым.
Разбился клин, и серые не сели...
Закат над Жиздрой был багровым.

Глоток свободы

Как бесы, страшны нам герои,
А бесов мы любим шутя,
Поверив, что пуще неволи
Есть песня простого шута.

Славяне земли хлебосольной,
Царьградской, далекой уже стороны,
О вольнице вспомним мы вольной,
И нет уж свободной страны.

Народ у нас любит святыни
И памятью светлой живет.
О, если б прибавить гордыни
И смело взглянуть нам вперед...

Застольная

Мы за столом собрались вместе,
Чтоб обсудить благие вести,
Чтоб выпить доброго вина -

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

По рюмке, по другой – до дна.

Мы выпьем за тебя, за всех,
И за здоровье, за успех.
Пускай звучит-звучит струна,
Пусть будет так всегда-всегда.

Не так уж много в жизни дней,
Когда мы вместе и поем.
Не так уж много и друзей,
Кого мы любим, за которых пьем.

Мы выпьем за тебя, за всех,
И за здоровье, за успех.
Пускай звучит-звучит струна,
Пусть будет так всегда-всегда.

Друзья пируют – не шикуют,
Веселых любят без вина.
Напьются в стельку, не забудут
Родных и близких имена.

Мы выпьем за тебя, за всех,
И за здоровье, за успех.
Пускай звучит-звучит струна,
Пусть будет так всегда-всегда.

Одиночество

Ты снимаешь свое платье,
С грустью смотришь в темноту,
Хочешь мир поймать в объятья,
Ловишь... только пустоту.

Императив

Еще Макиавелли говорил:
«Страх – Господин».
А Кант, Иммануил,
Дал максиме императив.

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

А началось намного раньше -
При Пасторе с послушной паствой.
Овечкой повелевал барашек,
Барашка клал пастух простой.

Потом пошли империи, империалы,
Монархи выдумали драхмы и реалы.
Владели всем и всем повелевали,
А рядом, подле, женщины рыдали.

Империал 1897 года – 15 рублей,
Золотая крапинка, миг удачи.
Императоры стреляли в лебедей,
Попадая и в людей впридачу.

Императив – слово-то какое -
Повелительно ведет в трактир,
А на деле это наклонение,
И да здравствует весь мир!

Маме

В нашем доме вновь бушует праздник,
Это рассиял сиренью май,
Он проказник, даже безобразник -
И таким его ты принимай!

Как сирень в саду запылила -
Это все тебе, тебе одной...
И тебя с рождением поздравляя,
Скоро ландыш зазвонит лесной.

Милые черты неизменимы,
Для тебя времен не существует.
Пусть летят себе тревоги мимо,
Пусть себе гроза в саду бушует.

Мне известно только одному:

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Сколько ни считай вокруг красот -
Не увидать ни с каких высот,
Не сравниться с той, что мамой зовут!

Улыбнись!

Наташе Ильиной посвящаю

В возрасте Джульетты и Наташи
Нечего смотреть в застойные года.
Все, что с нами было, – это наше.
Ваше будет лучше – навсегда.

Май очарователен и ласков,
Запахом сирени ворожит.
Сколько в этом мире ярких красок?
Добрый и открытым легче жить.

Май цветет и буйствует цветами.
Расцветает молодость твоя.
Проходя знакомыми местами,
Улыбнись, улыбки не тая.

Что задумала – пускай свершится.
Прямо путь тори к своей Звезде.
И душа твоя пусть не ленится,
Счастье – это по тебе.

Спас

Брату Анатолию

Рыжий август, удалый и смелый,
В урожае плодов завис.
Воздух чистый, и год такой спелый.
Пусть тебе улыбнется жизнь!
Ты родился под знаком Спаса -
Значит будешь здоров и богат.
В темном небе звезда погасла,
Верю – будет добрым загод.

Это он, лукавый и бородатый,
На тебя обращает взор.
Спас крылатый и благодатный

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Твоей жизни плетет узор.

Крест Любви

Е. Т. Сафроновой

Пусть зима бушует люто вьюгами,
Волосы порошит инеем и студит кровь,
Все равно неправда это, мама,
Что с годами покидает нас любовь.

А любовь с годами не стареет,
Остается в детях, внуков греет.
Пусть тебе порой взгрустнется, набежит слеза,
Смахнешь рукою, вновь улыбкой светятся глаза.

Введение сегодня на дворе, а значит радость,
Значит родилась в счастливый день и знаешь,
Жизнь удачно сложилась и не в тягость
Крест Любви и Материнства ты несешь.

Помнишь, Катя-Катерина, как девчонкой
Над родным селом березового ситца
И над Жиздрой пел твой голос звонко?
Помнишь – луг, Кошачью горку, близких лица.

Как смотрела ты на берег правый,
На рассвет, порой свинцовый, чаще алый,
В сторону Никольского креста...
Годы, годы... Пройдена уж не одна верста.

Но уныню за столом не место.
Посмотри, как детям, внукам тесно,
Как растут и радуют тебя,
Никогда не забывая и любя.

Оптина к ночи

В краю, где ангелы летают
И президентов избирают,
Народ молиться не устал,
Быть богоносным час настал.

Нет, не бродяги на Руси,

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Ты, колокол, зови и возвеси:
Идут паломники к Христу,
Отмерив не одну версту.

Отец игумен молодец,
За бородой зубов венец,
Всех принял и благословил,
Мирян Христом миротворил.

Монахи в кельи заспешили,
К Закону персты приложили.
Тишайша ночь над монастырем,
Сквозь грезы к Богу мы идем.

Один паломник, причастившись,
В канаве присно развалившись,
Сном праведника спал,
И дух святой над ним витал.

Под колокольный звон заснула Русь,
Ушли куда-то злоба, грусть.
Спят и ребенок, и монах,
Кто без порток, а кто в штанах.

Как в колыбели, чуть всхрапнув,
Ушла ко сну святая Русь.
Сын Божий сон сей охраняет,
А ангелы во тьме летают.

Майские грезы

Утро мая

Ничего красивей нет на свете
Утра майского в краю родном.
Как красива Жиздра на рассвете,
Когда солнце вкатывается в дом.

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

По-хорошему отправиться бы в поле,
По лугам босым пройтись бы вволю,
Прикоснуться к ландышу душистому,
В одуванчик-солнце дуть пушистый.

По дубраве или сосняку пройтись -
Только не спеши, не торопись.
Под Козельском чудные места,
Даже ива под забором, как невеста.

За Дешовками сады в цвету
Запахом любви-весны манят.
Лепестки летят, как зимняя пороша,
Как приветлива земля моя хорошая!

Солнце поднимается все выше,
Где-то в Стенино или Прысках
Аист колченогий клацает на крыше,
Ниже – Жиздра умывается в песках.

Хорошо в Козельске майской ранью
Мэрам, псам, коровам, петухам.
Просыпаясь, дышится сиренью
И душистым, свежим молоком.

Я родился тоже в чудном мае
И живу, не маясь, на земле,
А за все хорошее спасибо маме
Говорю и шлю поклон земле.

Той земле, что встретила Батя,
Пережила многое, но расцвела
И в рассвете майском не застыла
Та земля, судьба с которою свела.

ТЫ ПОБЕДИЛА

*Ветерану Великой Отечественной войны
Елизавете Федотьевне Маркиной посвящается*

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Отбушевала юности сирень
В огне войны... И среди той картины -
Твоя пилотка набекрень
И личико с улыбкой милой...

Всю жизнь пилотку ту ты берегла
И звездочку на память сохранила,
И сознаешь у Вечного огня:
И ты в Победу ту свой вклад вносила.

И хоть Победа та была кровавой,
Похожей на распятие Христа,
Ты верила, что будет Суд тот правый,
Который всем, по их делам, воздаст.

На радость внукам ты еще жива.
Твой лик сияет в отблесках Победы,
Ты свой посильный вклад в нее внесла,
Своей улыбкой озарив пол-света.

Эпитафии

Не плачьте, матери, о нас,
Сыны не предавали вас.
Погибли мы, но не сдались,
В сердцах живых мы остались.

* * *

Ушел из жизни рано я,
Знать, такова моя судьба.
Но я Отчизну защитил,
Всегда ей верным сыном был.

* * *

Живые, помните о нас,
Ведь мы сражались и за вас.
Смахните слезы, помяните,
За верность Родине простите.

Под родными березами

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Кому-то уготовано
В постели умереть.
Кому-то заготовлено
В бою увидеть смерть.

Кому-то, как по благу,
Покинуть жизнь седым,
А этому солдату
Быть вечно молодым.

Под родными березами,
Под крестом лежит он.
Мать утешается грезами,
Не верит в страшный сон.

Проходят майские грозы,
Весною не страшен гром.
Шумят, шумят березы:
Мы охраняем твой дом...

Шепчут губы

Необъявленные войны
Собирают свою рать,
Необъявленные войны
Призывают умирать.

А где-то плачет мать,
За слезы горя не упрекнуть.
Все можно простить и понять,
Но сына ей не вернуть.

Талиб, душман и басмач -
Всегда на Руси басурманы.
Для матери он палач,
Никто не залечит ей раны.

И вновь умирает заря,
И вновь оживает трава.

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

«Не зря погиб сын, не зря»,
Губы матери шепчут слова.

Возвращение героя

Бушуют в России грозы.
Сколько побед и бед?
Льются и льются слезы
По тем, кого с нами нет.

В газете объявили,
Что наши победили,
И только не назвали,
Кого мы потеряли.

Страна потеряла героя,
Сына отец и мать.
Он не вернулся из боя,
Ему не подняться, не встать.

Ушел из дома сильный,
Ушел он в полный рост.
Вернулся в холм могильный,
Вернулся на погост.

*...Ни одной строки напрасной,
Душу человека не лови,
Вдохновись природою прекрасной,
Помни о друзьях, читателе, Любви..*

Юбилейное

По земле родной,

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

порой доброй,
порой грязной,
но до боли родной
прошагали вы сотни миль,
повидали немало, милые...

О столичных высотах мечтая,
о себе забывая, вы о главном писали:

о любви земной, делах и далях,
о лепешках из лебеды и караваях...

Каждой строчкой газетной
земляков-читателей зажигали,
и порой статьей незаметной
вы рабов с колен поднимали...

С юбилеем вас апрель поздравляет,
наша братия от души привечает -
И Калуга, и Малый, и Ульяново, и Думиничи,
дорогой «Организатор», дорогие Сухиничи!

Будьте счастливы, живите богато!
Ваше слово дороже злата!

Паутина

Паутина – на окне,
Паутина – на коне,
Паутина – на воде,
Паутина – на фате.
Паутина в сентябре
На березовом прогоне,
У солдата на погоне
На учебном полигоне.
И кружится, и светится
В поднебесье, на земле -
Это осень мастерица
Ворожит, как озорница.

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Вся Россия в паутине,
Но не тяжко от того.
Это осени крестины,
Волшебство и колдовство.

Паутина – знак особый,
Легкий, светлый, образной,
Как на боженьке ризница,
Как на девице коса.

Паутина на погосте,
Паутина на крестах -
Приглашает осень в гости,
И кружит, кружит листва.

Паутина кружит в небе,
Ставит сети журавлям.
А пора, что «бабье лето»,
Кружит головы парням.

Все понятно и не грустно
В дорогом моем краю.
Не хочу молчать и крикну:
Осень, я тебя люблю...

Ностальгия

Сирень и ландыш отцветают,
Года все дальше улетают.
И только мысли оживают
И часто детство вспоминают.
В деревню я приехал снова,
Жизнь городская надоела мне.
Душа крестьянина – Руси основа,
Перекрестись и поклонись земле.
На взгорке церквушка,
На маковке крест.
В родной деревушке
Нет лучше невест.
Май за околицей,

Владимир Ильин

Немного лирики не помешает

Дышится вольницей.

Глухомань

У колодца баба с коромыслом.
Рядом гуси ожиревшие на льду,
И пацан, жующий корку с маслом...
Глухомань у всей России на виду.
Баба не молодка, а старуха,
Гуси хороши под Рождество.
Глухомань – лицо России, а не показуха,
И пацан хорош, ну, просто божество.
В глухомани жизнь течет убого.
Тишина. Покой. Из труб дымок.
Глухомань сегодня ближе к Богу,
Ближе, чем отрады локоток.
Я с тоской цепляюсь за ту грань,
Где луна садится за погост,
Не хочу в России быть я гостем,
Потому и пью за глухомань.

Россия

По дантовским кругам ходить не надо -
В России что ни день, так суший ад,
То милые щипают, как торнадо,
То что-то скажешь спьяну невпопад.
С похмелья бывает хуже во сто крат -
В России по утрам не наливают.
Не поднесет порою даже брат,
Он бы и рад, да только не хватает...
Всего всегда чего-то не хватает,
И даже тем, кто выше звезд,
Их тоже, правда реже, опускают
До подвалов и даже ниже бездн...
Россия в мае распускается сиренью,
А в сентябре ей золото наряд,
Зимой сурово бродит белой тенью
И бродит, бредит тыщу лет подряд.

Владимир Ильин

Старый замок

1

В старом городе – мегаполис.
Магазины, авто, казино...
А сколько незаметных лиц?
Глаукомой желтый свет. Давно...
В асфальте зелень корчится,
Одно окно – одно стекло.
И воздух мегаполиса испортился.
Все портится: и женщины, и старое вино.
Душа в каком-то ропоте
Запраталась на антресоль,
Людей махина в топоте
Брейкует под ре-ми-фа-соль.
И много, много музыки -
Фальшивых голосов,
И мало, мало музыки -
Репертуарных теноров, басов...
Все больше виртуального -
Похожего, на жизнь.
Все больше сексуального -
Прохожий, торопись...
Садисты-мазохисты
И в Риме, и в Москве...
Поэты-символисты
Не в моде, как пенсне.
А в моде ляжки толстые,
«Мартини» и «Playboy».
В глазах тарелки желтые,
Хоть волком вой.
Сиди, душа, помалкивай,
Как узница в плену.
Алкаш стоит пописывает
У знака «М» у мента на виду.
А мент сегодня добрый,
А полис разогрет,
«Макдональдс» такой сдобный,
Не то, что винегрет...

«Не хлебом единым!».
А чем? Знаем, знаем...
«Рублем длинным»,
Отвечаем лаем, лаем...
Рядом шоссе мчится,
Как же тут не отличиться?
«Смерть жидам!» взрываем,
Все играем и играем...
А они палестинцам
Шлют ракеты-гостинцы.
Разрывается эфир:
Убит шейх или эмир,
А дядя Ваня пьет кефир,
За евростеклами покой,
А тетя Маня жует зефир,
В квартирном чреве застой...
Мегаполис под землей
Как бы движется змеей.
Двери поездов шипят,
Души пассажиров спят.
Кто свят, кто распят.
На рекламном щите
В поднебесной высоте
Дивы смачные дымят.
Все дымит, все пылит -
Тут не до стерильности.
А душа летит, летит -
К сверхтерпимости...
Самооборона стала «Ушу»,
Политологи нам вешают лапшу.
Собрались фаны на футбол:
«Оле-оле! Гол-гол!...»
Игроки не забивают,
А фанаты разжигают
Атмосферу на арене.
На арене им до фени.
На экране другие фанаты,
На воде и Киселеве
Их замешаны дебаты -
О свободе, о народе, о рубле...

Немного лирики не помешает

Жириновский, Зюганов упражняются,
Немцов, Хакамада заливаются
С пеной у рта, на все голоса,
А в России, а в народе – черная полоса...
Бомжи и дезертиры,
Воры и проституция,
Кого-то мочат в сортире -
И все под Конституцией.
Мегаполис всеяден,
Он зомбирует и вибрирует,
За иглу ухватился с ядом -
Миллионы душ травмирует.
А жизнь дает
Нам новый пас.
Когда заря встает,
Скажи: люблю я вас...

2

Над старым парком вышина,
А в старом замке тишина.
Идиллия картинная,
Какая-то пустынная.
На старых рамах паутина,
На канделябрах патина,
А в зале без дворецкого,
Не слышно пира удалецкого.
Все в этом мире молодеет,
О прошлом мало кто радеет.
Забыты подвиги князей,
Затерли прошлое в музей...
И старый замок одинок,
Здесь даже привиденье не живет...

Немного лирики не помешает

Козельское общество русских литераторов

Владимир РОДИОНОВ

**Стихи о весне, о любви,
о вечном...**

Владимир Михайлович РОДИОНОВ

Родился в Москве. Трудовую деятельность начал в 1961 году. Более четверти века проработал на заводе «СКИМ». Закончил двухгодичный университет при Союзе журналистов России. Деревня Торбеево – родина предков Владимира Родионова, поэтому в Козельский район приезжает не как гость. Стихами просто болеет, талантливый лирик.

Автор поэтического сборника «Весенние колокола». Член Козельского общества русских литераторов.

А Л Ь М А Н А Х

Злой Град

А живу я в деревне Торбеево

А живу я в деревне Торбеево,
У любимой сестры – Тишины,
Здесь любая травинка и дерево
Мне в наследство бессрочно даны.
Ближний лес мне приходится братом,
А поля и овраги – родной,
Здесь средь быстрого века когда-то
Обручен был с Серпной – рекой.
И всегда я местам этим верен,
Землю эту безумно люблю,
Путь мой здешними тропками мерен,
Я спокоен лишь в этом краю.
Я пройду не спеша Толстым лесом,
Лес Горелый за час обойду,
И, конечно, с большим интересом
По грибы в нашу Нивню пойду.
Край козельский, лесной и зеленый,
Вновь тебе я в любви признаюсь,
Я хожу бесконечно влюбленным,
В эту сказку с названием РУСЬ!

На рыбалке

Закусило солнышко блесну,
Май рванулся из последних сил.
Я сегодня упустил весну,
Ну, а лето все же подцепил.
Вытащил и радостно гляжу -
До чего прекрасен новый день!
Я еще немного поужу,
На глаза надвинув шляпы тень.
Оглушал лягушечий базар,
Птицы пели гимны в вышине,
И зудел над головой комар...
Много он попортил крови мне.
И сидела кошка не дыша,
Ожидая рыбины своей,
Ей зачем ходить ловить мыша -
Я, конечно, поделюсь и с ней.

Насажу я свежего червя,
На него «на счастье» поплюю.
Старый пруд, как я люблю тебя!
Новый день, как я тебя люблю!

Встреча с родиной

Мой край покинутый забытый,
До боли близкий и родной,
Крест накрест горбылем забитый
Причиной временной одной.
Лишь время этому причина,
Виной минувшие года,
Как свет погасшая лучина,
Жизнь забирали города.
И там, где с трепетным восторгом
Учился складывать слова,
Гуляет ветер по задворкам,
Растет репейник да трава.
Я здесь встречал свои рассветы,
Что месяц с ночи указал,
И сердцем первые куплеты
В тетрадку школьную вписал.
Как будто заново открытый,
Пришел тропинкой полевой
В тот край, безвременно забытый,
До боли близкий и родной.

Люблю тебя...

Люблю тебя, моя деревня,
Твои сады, твои поля,
Леса, что дарят вдохновенье,
И дней волшебные мгновенья.
Твои – козельская земля.
Люблю манящие просторы,
Задумчивость неспешных рек,
Шальные жаворонков споры,
Вершин деревьев разговоры,
Все, чем прекрасен быстрый век.
Люблю литой упругий колос,
Рожденный песней соловья,

И журавлей призывный голос,
Как в зиму звонкий санный полоз,
Зовущий в дальние края.
В какую даль судьба не кинет,
Куда бы не умчит меня,
Но память сердце не покинет,
И жар душевный не остынет
К тебе – козельская земля!

«Разговор» с портретом В. Высоцкого

Володя, дай мне прикурить
От вечной от твоей затяжки.
Я покурю и, может быть,
Исправлю все свои промашки.
Скажи, как стать самим собой,
Отбросить груды лжи и фальши,
Я посоветуюсь с тобой,
Куда идти теперь мне дальше.
Как воздержаться от обид,
Не приносить страдания людям,
Что сделать, чтобы каждый сыт
И счастлив был в потоке буден?
Взгляни хоть раз в мои глаза,
Не скорого я жду ответа,
И не одна еще гроза
Меня настигнет среди лета.
А я не ты, я не боец,
И нет в помине моей славы,
И мой не выкован венец
Из поэтической оправы.
И лишь одно, что я могу,
Любить Россию также свято,
Ее березки на лугу
И все, чем так она богата.
Спокойно я иду домой
И рассуждаю в мыслях сладко,
Что отдал родине родной
Свой труд и силы без остатка.
Что не замкну своей души
На чью-то боль, на чью-то рану,

И вот что мне еще скажи,
А вдруг и я поэтом стану.
Мне говорят, что я того..,
Что с рифмой у меня порядок.
Я жду ответа твоего,
Пусть он совсем не будет сладок.
Ведь жизнь твоя тому пример,
И песнь ее прекрасно спета.
Вожатый ты – я пионер...
Я понял все и без ответа.

Памяти Владимира Высоцкого

Все те же песни так же в моде,
Звучат и кружат над землей,
Но только с нами нет Володи,
Сгорел он утренней звездой.
Каким он был в потоке буден,
О том судить я не берусь,
Но только долго помнить будет
Его – разбуженная Русь!
И стих его простой, неброский,
Чинушам не понятный стих,
Остался с именем Высоцкий,
Хоть голос и давно затих.
Порвались трепетные струны
У жизни яркой и большой,
Но вечно песни будут юны,
Что пел не голосом, душой!
Их миллионы подхватили,
По миру гордо понесли.
Но где мы раньше, раньше были,
Что ж мы поэта не спасли?!
Какие правят злые силы,
За «переплетами» дверей?
Прости. Прости, Володя милый,
За наших русских дикарей.
Они, что злые псы на сене,
Не жрут и не дают другим,
И бродят мрачные их тени,
В глаза пускают людям дым.

Стихи

Мол, не дозрел и стих не гладкий,
Аранжировка, мол, не та,
И душат песню мертвой хваткой,
Не смысля в этом ни черта.
Народ, конечно, не обманешь,
И правда выйдет из ворот,
Плохую песню петь не станешь -
То новорожденный урод.
Его же песни все живучи,
Он с ними жил и в них живет,
И голос хриплый, но могучий
На наши жизни допоеет .
И никогда не смолкнут песни,
И свет звезды той не угас,
Он вечно будет с нами вместе,
Он вечно будет в сердце нас.

В летнюю ночь

Лежу в саду под звездным одеялом,
Дышу всей грудью запахом земли,
Мне ночь сама слова любви шептала,
И полонез играют соловьи.
И обнимают яблоньки-подружки,
Хрустальной люстрой свесилась луна,
Мне хорошо на травяной подушке,
Со мной друзья – покой и тишина.
Меня рассвет ласкает и прохлада,
Я пью взхлеб предутренний туман,
И ничего другого мне не надо:
Машины, деньги, вещи – жалкий хлам.
И летней ночи кроткое дыханье
Я не сравню с московской суетой,
Мне сам июль оказывал вниманье,
И лето целовалось лишь со мной.

В старом саду

Погибала яблоня в саду...
Как она всегда плодоносила!
И куда девалась ее сила
В это лето, в этом вот году?

Владимир Родионов

Стихи

Ты дарила сладкие плоды,
Защищала от дождя и зноя,
Как весною расцветала ты!
Как же любовались мы тобою!
А теперь лежишь вот на земле,
Ствол укрыв увядшею листвою,
Я склоняюсь, милая, к тебе
Рано поседевшей головою...

Владимир Родионов

Галина Сергеева

Бабушка Наташа Бабушка-подружка СТИХИ

Галина Эдуардовна ГОРОХОВА

Секретарь Совета КОРЛ. Родилась 1953 году в городе Кобрине в семье военного. Окончила философский факультет МГУ. Кандидат философских наук, занималась философией ранних даосов. С 1991 года живет в д. Дешовки близ Козельска. Была методистом по работе с детьми в Дешовском клубе, в настоящее время - учитель истории Дешовской средней школы.

Автор ряда научных работ по китаеведению, статей в периодике по вопросам православной культуры. Пишет сценарии детских праздников. Публикуется под псевдонимом Г. Сергеева.

А Л Ь М А Н А Х
Злой Град

Бабушка Наташа

Нина Сергеевна стала матерью совсем уже не в молодые годы: сын родился в 31, а дочь – в 36 лет. Однако ее ничуть не огорчало, что порой, гуляя с коляской и четырехлетним сыном, оказывалось, что ее принимают за бабушку – так велика была радость все-таки пришедшего, несмотря на все непростые повороты ее женской судьбы, столь неописуемо счастливого материнства. Оно оказалось еще замечательней, чем рисовалось в долгих, почти десятилетних мечтах о нем, заполнивших собою большую часть ее молодости.

Три года декретного отпуска, связанного с младенчеством мальчика, украсились полугодовыми проживаниями на даче у свекров: молодые сады, древние леса, огромный, полный цветов луг прямо за дачным забором, тройная краса плавно переходящих друг в друга весны, лета и ранней осени на просторной, вполне обустроенной даче родителей мужа – все это воспринималось ею как ни чем не заслуженная милость Божия, незаработанный нигде и ничем сплошной праздник, нечаянная радость.

Рождение дочери оказалось отмечено новыми дарами: муж приобрел домик в деревне близ Оптиной пустыни, и они переехали туда уже три недели спустя после прощания с роддомом. Домик стоял на довольно высоком берегу Жиздры, окруженный цветущим как раз в момент их переезда яблочно-сливовым садом. Из оврага неподалеку, сплошь заросшего липами и кустарником, неделями лился нескончаемый соловьиный концерт. Дочка, которой не было еще и месяца, почти целые дни спокойно спала в коляске под яблонями, защищаемая от комаров обработанной гвоздичным маслом марлевой занавеской. Мальчик увлекся купанием, освоением береговых зарослей и песчаного острова, который он быстро прозвал необходимым (потому что – его не обойти!). Соседская девочка – начинающая художница – то и дело приносила рисунки стрекоз, букетов, трав, а порой устраивалась где-нибудь у них во дворе, рисуя портреты с пары неповоротливых упитанных кроликов. Муж то что-то писал, то копал и сажал весьма кривые грядки, то уходил с удочкой.

Этот потрясающий покой и упоительная краса каждого дня, начиная с хоровой птичьей утренней молитвы за окном

и кончая ночным купанием в лунной воде уже отшумевшего и обезлюдившего речного пляжа, вскоре даже стали пугать Нину Сергеевну. Такие сплошные счастье и радость были ей непривычны и казались совершенно незаслуженными. С чисто женской суеверностью она стала ждать каких-либо неудач или бед. И ожидания сии – оправдались: у нее стало стремительно сокращаться молоко, которым до сих пор, целых два с половиной месяца удавалось бесперебойно, без искусственных добавок спокойно кормить дочку. Хотя это и расстроило Нину Сергеевну, но, с другой стороны, даже как-то и успокоило. Несколько испуганно и виновато поглядывая на маленький образок Божией Матери «Млекопитательницы», стоящий на полке поближе к постели, где она чаще всего кормила дитя, она думала, что, по ее грехам и их нераскаянности, пора бы уж и потерпеть, а то страшно так вот – без бед, без скорбей! Правда, было пронзительно грустно, что девочку придется питать уже не по-настоящему, материнским одним молочком, покупать всякие стандартные коробки с детским питанием...

Пожилая соседка Полина Васильевна, каждый день проходящая мимо по несколько раз со своей пышнобокой коровой, узнав об этой беде, тут же дала совет: «Не тужи, Нина! Ты же – в деревне! Зачем тебе коробки! Договорись о козьем молоке с тетужкой Натальей – вот и будет дитя сытое да здоровое!»

В число нескончаемых радостей явно попадало и удивительное везение на соседей: ну ни одного неприятного лица или даже голоса! Просто блажь какая-то!

Почти все ближайшие соседи жили по двое: в двух домах повыше – пожилые супруги, напротив – тоже немолодые родные сестры, еще в одном – мать и дочь, только Наталья Ивановна жила совсем одна. Это была очень маленькая, как девочка лет десяти, худенькая старушка лет под семьдесят. Целыми днями она кружила возле небольшого своего домика, занимаясь своим разнообразным хозяйством: подпалывая что-то невидимое на идеально чистых грядках, стирая свои юбочки, фартуки и платочки, приготавливая какую-то очень уж богатую трапезу своим капризным курам (для чего в огромном тазу мелко нарубалось несколько видов трав в смеси с несколькими видами круп), намывая дочиста старенькие доски кривого коридорчика и ступенек, заваривая в русской печи что-то совсем уж мудреное для поросенка, похрюкивающего где-то в недрах пристроенного

прямо к дому двора.

Казалось, что по ее старости и малорослости старушка должна бы к вечеру совсем слабеть и валиться с ног, но, наоборот – во второй половине дня к ней словно приходило второе дыхание. А кроме того, именно в эту часть суток ее коза начинала показывать свой характер: тихая и довольно покладистая с утра до обеда, в середине дня она словно спохватывалась и непременно что-нибудь «выделывала»: или отвязывалась и сбегала, или запутывалась и принималась орать без перерыва, или утаскивала у хозяйки что-нибудь нужное и принималась это жевать. Иногда казалось, что вся жизнь многозаботливой старушки – какой-то сплошной танец-круженье, в котором все больше и больше движений приходится ей выделять вокруг совершенно наглюющей к вечеру серой козы, кажущейся неестественно огромной рядом с маленькой своей хозяйкой.

Нина Сергеевна проходила мимо домика Натальи Ивановны почти каждый день: так шла самая короткая дорога от нее и в магазин, и на почту. Взмокшая от беганья за козой старушка непременно заговаривала с нею, расспрашивая о ее детях, сетуя на взбалмошный характер своей серой козочки. Порой Нина Сергеевна спрашивала: «И как вы только одна со всем этим управляетесь, Наталья Ивановна?». В ответ Наталья Ивановна, всегда улыбчивая и шутливая, становилась вдруг строгой и отвечала всегда одно и то же: «Да разве ж я одна? Я – с Богом!»

Следуя совету Полины Васильевны, Нина Сергеевна отправилась к Наталье Ивановне договариваться о козьем молоке. Поведав ей о своей проблеме, она попросила выделить ей хоть пару стаканов молока в день для младенца. Обычно приветливая и щедрая старушка, то и дело угощавшая ее то зеленью со своего огорода, то блинами, то яичками, вдруг как-то поджала губы и насупилась. Нина Сергеевна очень смутилась, решив, что молока, видимо, очень мало, и бабуля затрудняется с ответом.

«Да что ж, да это не разговор! – почти сердито сказала Наталья Ивановна. – Да бери ты хоть три, хоть четыре стакана! Жалко, что ли, добра этого!»

Стало понятно, что дело не в нехватке молока, и оттого все нарастающая рассерженность старухи еще больше смущала и даже пугала Нину Сергеевну.

«Вы уж простите мою назойливость...». – начала было она, но Наталья Ивановна перебила ее. Серdito волнуясь, словно

наконец решившись, она сказала очень строго, медленнее обычного выговаривая слова, видимо, для того, чтобы подчеркнуть их важность: «Эх вы, нонешние молодухи! Надо же понимать: ежели дал Бог дитя – так Он же и молока ему даст! Вы сами не хотите кормить – вот по лени вашей да по неверию молоко-то и уходит! Молись да трудись – и никуда оно не денется!»

Нина Сергеевна робко умолчала о своей «Млекопитательнице» и постоянных молитвах. Помолчав немного, она опять обратилась к старухе, явно утомленной собственной патетической отповедью.

«Наталья Ивановна! Помолитесь за нас с дочкой! Может, по вашим молитвам – молочко не уйдет!»

«Да что ж не помолиться! Помолюсь-то я помолюсь, да и ты, дочка, трудись пред Господом! А насчет козы – не волнуйся! Если надо – бери молока сколько хочешь!»

Дом Натальи Ивановны стоял совсем близко от дачи Нины Сергеевны: всего минуты три ходу вдоль глубокого тенистого оврага, через пригорок, с которого на краю высящегося вдали леса хорошо была видна Оптиная. Она помедлила немного на этом пригорке, всей душой прося у Оптиной, чтобы услышаны были старушкины молитвы.

К вечеру того же дня молоко явно прибавилось, в утреннее кормление уже пришлось отцеживать излишек. Стало понятно, что никакого прикорма не понадобится, а предлагаемое Натальей Ивановной как угощение молоко ее серой мучительницы выпивалось или сынишкой, или детишками то и дело приезжавших гостей.

Нина Сергеевна кормила дочь до двух с половиной лет, изумляясь своему молочному изобилию и со все возрастающим благоговением относясь к своей пожилой соседке. Время от времени она принималась благодарить старуху, но Наталья Ивановна в ответ отказывалась признавать какую-либо свою роль в этой ситуации.

«Просто я тебя вовремя поругала! Это большое дело, поверь!», – порой говорила она.

Дочка Нины Сергеевны к двум годам уже бойко разговаривала, и к вечеру, перед самым сном всегда требовала мамино молоко, явно предпочитая засыпать прямо у груди, изрядно потрудившись над ней своим упорным ротиком. Когда она подросла, мать рассказала ей о том, как бабушка Наташа вымолила ей ее

детскую пищу. Девочка стала воспринимать старуху как вторую крестную. Частенько бегала к ней – то просто проводывала, то часами играла ее старыми, еще довоенными куклами, рядом восседавшими на шкафу.

С годами бабушка Наталья дряхлаела, а Нина Сергеевна перестала уезжать на холодное время в Москву, и дача стала для нее с детьми настоящим домом. Как-то очень быстро дети выросли и пошли в школу. Наталья Ивановна к этому времени ослабла еще сильнее, по утрам ей было трудно самой натягивать на плохо сгибающиеся ноги валенки, в которых она теперь ходила по дому даже жарким летом. Дети Нины Сергеевны превратили утреннее обувание бабушки Наташи в некую ежедневную церемонию: с вечера они решали, кто из них завтра идет ее обувать – сынишка зайдет перед школой или девочка, пока мать готовит ей завтрак.

Когда Наталья Ивановна окончательно слегла, двери в ее домике просто были всегда открыты, и дети Нины Сергеевны бегали туда по нескольку раз в день. Она лежала лицом к иконам, и, даже впадая в предсмертное уже забытие, словно ныряя куда-то, куда рядом стоящие не могли попасть вместе с ней, почти постоянно шептала: «Господи!.. Рабу свою... Наталью... Матерь Божия, помоги!..»

Вечером накануне той ночи, когда ее не стало, дочка Нины Сергеевны вдруг разволновалась и сказала: «Мама! Бабушка Наташа не доживет до утра!». Нина Сергеевна как-то сразу поверила ей, взяла молитвослов и в полной темноте пошла к дому старушки.

Находящийся здесь теперь ее младший брат, крепкий еще и бодрый дед Василий, услышав, что она хочет почитать отходные молитвы над его сестрой, подумал немного и сердито заявил: «Ты это брось! Нынче пятница – пусть хоть до воскресенья дотянет! А сейчас впереди выходные, все конторы будут закрыты – как ходить да оформлять! Иди домой себе да спи!».

Нина Сергеевна все-таки попросилась войти – просто посмотреть на бабушку. Та, никого не узнавая, явно пребывая в каком-то уже другом пространстве, все продолжала шевелить губами. Нина Сергеевна поцеловала ее сухую горячую щеку и ушла. Отходную она вычитала дома.

Когда наутро они с девочкой пришли вновь, Наталья Ивановна уже скончалась. Грустный, какой-то сразу постаревший

дед Василий устало и благодушно сказал Нине Сергеевне: «Это все ты, ведьма! Она и впрямь померла к утру! А я-то думал: пусть хоть до воскресенья протянет! Ну теперь давай – читай что хочешь!».

* * *

Вместе с домом Натальи Ивановны эстафета одиночества перешла к другой старушке – нынешней хозяйке дома бабушке Шуре. В палисаднике дома сейчас чудный цветник, красивый, как на кладбище.

Козельское общество русских литераторов

Сергей ТЕСМИН

Невидимки
Правая половина лица

А Л Ь М А Н А Х

Злой Град

Сергей Евгеньевич СЁМКИН

Родился 1954 года в Москве. После школы учился в Московском институте электронного машиностроения на факультете прикладной математики, занимался театром, живописью. с 1978 по 1984 год учился в Одесской духовной семинарии и Ленинградской духовной академии.

Ныне работает в Иконописной матерской КАНОН, занимается компьютерной графикой. Директор WEB-студии «Линия Билибина». Живет в д. Дешовки. Литературный псевдоним - С. Тесмин. Печатался в Журнале Московской Патриархии, газете «Положение дел». Член Козельского общества русских литераторов.

Невидимки

– Товарищи больные... – зычный голос старшей сестры отделения гудел во всех палатах. С хрипотцой, как порванный громкоговоритель радиоточки. Но столь же уверенный и несмолкаемый.

– Товарищи больные, всем собраться в столовую, кроме ... – дальше следовало несколько фамилий. Николай внимательно прислушался: его фамилии – Второв – среди них не было. Владельцы двух из пяти исключенных фамилий все равно не могли их слышать, так как лежали в надзорной палате, распластанные на кроватях растяжками и сульфазинном. Трое других могли слышать, но навряд ли слушали – это были тяжелые хроники.

Среди них: Боря-шахтер – был человек, бросающий жребий Богу и черту. Здоровый, бритый, с ужасным рубцом на черепе, с тяжелой литой челюстью – он смотрел на мир мутными глазами, в которых вспыхивали отблески космических битв.

– Бог или черт?! – быстро и загадочно спрашивал Боря, и глаза его загорались яростным пламенем. Огромные грязные лапы хроника, сжатые коробочкой, ритмично тряслись перед носом оторопевшего ответчика, который испуганно отшатывался.

(Борис был огромного роста и опасен, как пьяный штангист. Однажды он замахнулся на санитарку кухонным столиком, стоявшим зачем-то на прогулочной площадке. Взятый одной лишь его клешней за ножку, белый пластиковый столик, как побелевшее лицо санитарки, взлетел вверх, в грохоте громяющего каменного смеха Бори:

– Ха, Ха, Ха... Хо, Хо !!!)

– Бог! Бог! Бог! – неожиданно взрывался миродержитель, раскалывая свой мир и выбрасывая его из сложенных лодочкой ладоней. В воздух летели две скрученные бумажные гильзы. В мгновение громада Бориса бухала наземь, и огромные дрожащие руки неловко разворачивали бумажки:

– Черт! – со злым восторгом кричал хроник, распотрошив грязную бумажную гильзу:

– Бог!

На бумажках когда-то были написаны эти два заветных слова Бориса. Но те, старые, гильзы давно истрепались, и были

сделаны новые, уже без надписей – Борис прекрасно знал наизусть имена участников драмы, и эта война велась яростно и нескончаемо с того момента, как стены шахты рухнули сзади бригады забойщиков, и лишь один Борис был чудом откопан спасателями. Отныне фамилия его называлась только на ВТЭКе, и то – все реже и реже.

Двое других, названных отдельно, тоже хроники, были люди разные, но судьба их была одна – 13-я психиатрическая больница в Люблино. Эту судьбу они, впрочем, разделяли и с Борей-шахтером и, отчасти, со многими другими жителями этого городка. Городка, потому что психлечебница представляла собой уменьшенную копию Новых Черемушек: девять серых пятиэтажных блочных барачков и десятый – административный корпус и хозблок – были густо обсажены тополями, заросли бурьяном и коноплей и перемежались асфальтовыми дорожками и затянутыми провололочной сеткой прогулочными вольерами. Микрорайон «Тринадцатой» был обнесен побеленной бетонной стеной, за которой гудели автомашины и иногда говорили люди (не отсюда ли пропавшие граждане?): распивая бутылку, покуривая или просто проходя мимо. Мало кто из них думал – какая блаженная летняя тишина стояла за стеной «Тринадцатой». И пустота...

Но сегодня все оживилось. Совершенно не по графику жители, а попросту – дураки, мерным неспешным шагом брели небольшими группами под присмотром санитаров к прикомному покою в административном корпусе. Возбужденные призывными голосами старших сестер, санитаров, врачей, собранные в столовые по палатам, одетые в блекло-зеленые, бело-сиреневые, сизые пижамы мирные голубки «Тринадцатой» слетались в прикомный покой по заранее составленному графику. Дураки шли сюда для того, чтобы отдать свой голос за кандидатов нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Беспокоен был прикомный покой больницы. Над входом развернулся красный лозунг: «Да здравствует советский образ жизни!», затмивший яркостью уже слегка подвыцветший и потранный транспарант – «Слава советской медицине!», который сиротливо повис слева от двери, составляя грустную пару объявлению «Свобода! Равенство! Братство!». У стеклянного входа в прикомный покой стоял врач с блокнотом и карандашиком, отмечая, какое отделение прибыло и в каком составе. Внутри помещение было также торжественно украшено, как и подъезд снаружи. Прямо посре-

дине – три длинных стола, за которыми помещались агитаторы. Справа от агитаторов, украшенная букетом цветов, стоявших прямо перед ее носом, сестра-хозяйка больницы отмечала крестиками пришедших голосовать дураков, фамилии которых называл сопровождающий соответствующего отделения. Далее голосующий больной должен был взять бюллетень и под зорким взглядом старшей сестры четвертого отделения, в котором лежал Николай, опустить его в урну (деревянный ящик, стоящий на столе). Потом больной должен был отойти в сторону и ждать, пока проголосует все отделение и санитар поведет их в палаты.

Когда Николай подошел к столу с агитаторами, его разобрал смех. Агитаторы – мужик в очках инженеристого вида и две нарядные бабы – смотрели на происходящее глазами, полными парализованного ужаса. Сидящая справа, полнеющая, краснолицая, в ярком шелковом платье женщина лет пятидесяти записывала фамилии «избирателей», ритмично переводя чуть выдающиеся вперед стеклянные глаза со списка на сизую пижаму. Она вполне понимала, что делает очень важное, очень ответственное дело, более того – дело небезопасное! Маленький прозрачный червячок, казалось, нашпывал в ее мозжечке: «А вдруг этот стукнет?! Вдруг убьет до смерти?! И ведь не будет ему ничего! Ничего!... Вот этот – вишь рожа-то... *(лихорадочно думала она про проходящего мимо старичка-выпивоху, которого упрятала в психушку собственная дочка, продавщица вино-водочного отдела, за то, что он по ночам воровал у неё из-под кровати бутылки)* – Ну точно, псих. Наверно, припадочный!...»

«Господи! – причитал прозрачный червячок, молясь своему богу, – хоть бы пронесло! Пронесло!..».

И пронесло мимо нее и ее товарищей по избирательной комиссии что-то смутно-опасное, непредсказуемое, неуправляемое, лишь до поры до времени заключенное в жалкую оболочку человеческого тела и в выцветшую белесую пижаму.

У мужчины, который, по-видимому, был главным в группе агитаторов, этот поток параллельного мира вызвал приступ моторного возбуждения, как будто его, передовика производства или, скорее, активиста институтского месткома (он был интеллигент) прижали вечером в темном переулке трое подвыпивших хулиганов с ножиком и заставили плясать, чтобы услышать – звенит ли у него в карманах мелочь? И вот он, отец пионера, интеллигент (а в этом не было никакого сомнения), активист мест-

кома, он – прыгает с резиновой улыбочкой на бледном бритом личике, дергает ручками и пытается поприветствовать за руку своих мучителей. Запанибрата. Но в глазах его катается и звенит маленький, бутылочного стекла шарик – его душа, охваченная и почти выброшенная из тела ужасом.

А мучители пожимают его руку и текут мимо сизой массой, под твердым профессиональным взглядом санитаров; берут бюллетень, пожимают руку, принимая его искреннее поздравление (в чем?) и кладут его (кого?) в обшарпанный деревянный ящик, называемый почему-то урной.

– Скажите, пожалуйста, а можно голосовать против? – ехидный голос Николая вдруг разорвал однообразный звук шуршащих бюллетеней. Все остановилось. Выдвинутые вперед глаза женщины справа, блеснувшие бутылочные глаза интеллигента, мутные глаза третьего члена комиссии и, наконец, хромированные глаза старшей сестры – все вонзились в бледно-зеленую пижаму. Поднялись выше и встретились с веселыми, нагловатыми и немного злыми глазами Николая.

«Наконец-то, наконец-то», – подумал каждый (кроме, пожалуй, Николая, который делал все это скорее по велению какой-то невидимой мухи, укусившей его, нежели по здравому разуму). Но что, собственно, «наконец-то»? Что?

Все объясняется просто. Каждый участник общественной жизни, а то, что мы были свидетелями именно общественной жизни – факт неоспоримый, так вот, каждый участник общественной жизни желал бы быть свидетелем(!) какого-нибудь значительного события. Например: Великой Октябрьской Революции (ВОР), Великой Отечественной войны (ВОВ), Покорения космоса (ПК) или, хотя бы, Великих строек пятилетки (ВСП). Приобщенность к великому событию не только наполняет жизнь человека и гражданина огромным историческим смыслом, но и дает значительные общественные льготы – билеты без очереди, заказы к празднику (во время великих исторических событий – пайки), почет со стороны пионерской и комсомольской организаций. Но даже если речь шла не о великом историческом событии, а просто о скандале (лишь бы не участник!) – то и это было необыкновенно интересно! Подумать только – выборы в сумашедшем доме! отказ голосовать! Тс– тс– тс... возможны репрессии!...

И они не заставили себя ждать.

– Второв! – поставленным голосом с отчетливой артикуля-

цией прошипела старшая сестра. – Больной Второв, прекратите кривляться и немедленно опустите бюллетень воурну.

Она так и произнесла – «воурну». Что она хотела этим сказать?

– Не забывайте, кто вы есть и где вы находитесь!

Члены комиссии прекрасно понимали, где находится больной Второв. Именно это и создало пикантную ситуацию.

– А против чего, собственно, вы хотите проголосовать? – провокационно и глумливо спросил интеллигент.

– Против предоставления права голоса психическим больным, – с достоинством ответил больной Второв.

– Второв! – визгливо вскрикнула сестра, – Вы дееспособны и обязаны голосовать!

– Послушайте, товарищи, я – больной человек (Второв).

– Ну что вы, вы выглядите вполне здоровым (Интеллигент).

– Второв, я запишу в журнал, что у вас ухудшилось состояние...(Сестра).

– Но я же дееспособен (Второв).

– Прекратите паясничать (Сестра).

– Ну почему же, если товарищ хочет голосовать против... (Член комиссии).

– Он психически болен (Сестра).

– Я отказываюсь голосовать, я психически болен!

– Все больные голосуют (Член).

– Они не отвечают за свои действия (Второв).

– Что вы хотите этим сказать? (Третий член).

– Прекратите балаган, здесь я отвечаю за порядок! (Старшая сестра).

Последнее заявление не было столь абсурдным и голословным, как все предыдущие. Нет. Оно было основано на прямом и решительном действии. Сухая, облаченная в белый халатный рукав клешня Лии Михайловны (а именно это и есть старшая сестра) четким, как удар змеи, движением выхватила листок из утонченных пальцев юного шизофреника и метко опустила воурну...

– О!... – выдохнули все.

– Что!?! (Коля).

– Но?! (Члены комиссии).

– Немедленно в палату.

Событие произошло.

* * *

Казалось, огромная, шпалковая, кроваво-красная завеса колыхалась перед глазами Николая. Конвульсивно изгибаясь, он пытался заглянуть за ее край, заглянуть туда, где можно было бы погрузить взгляд в прохладную тишь: лишь бы спастись от раскаленного металлического грохота красного шпалка. Как будто волны жара прокатывались снизу вверх и – «бух! бух!» – где-то далеко в невидимой высоте. Тяжелые частые стуки. «Это стучит мое собственное сердце», – понял Николай и, мгновенно, он уже сильными толчками двигался по запутанному лабиринту в потоке боли; тысячи жарких и влажных тел толкались об него, хватали его, пугали его, вдруг проникая прямо в его широко раскрытые глаза и мгновенно скрываясь в шпалково-красном мареве. Невозможно было увидеть их лица. Их он не мог бы узнать.

Но они узнавали его, выслеживали и настигали, набрасываясь на заплутавшего и отчаявшегося путника, злодейски брошенного в эту страну коварным предателем – товарищем Сульфазинном. Теперь он потерян и брошен. Теперь он совсем один. Теперь только Лия Михайловна улыбается ему извивающимся шпалковым лицом, и с улыбающихся губ ежика капает расплавленная губная помада.

Сквозь красноватую температурную дымку перед глазами Николая вдруг появился белый куб надзорной палаты. Не знаю, как все это было снаружи, но изнутри, с кровати Николая, он представлялся красивой фарфоровой коробочкой. Стены ежика, белые и текучие, почти просвечивали, пропуская сквозь себя невидимые струящиеся силуэты, как будто какие-то невидимки наполняли комнату, и их грациозный танец птиц делал ежика пространство почти освежающим, почти дышащим.

Но красный полог вновь задергивался. Все тонуло в огненной жидкости, колышущейся в жутком ритме ударов невидимого сердца, которое Николай давно потерял и не знал, где оно, лишь по ударам определяя его наличие.

Какие-то громкие шорохи и непонятные голоса гудели в голове Николая.

«Товарищ больной!».

«Товарищ Сульфазин!»

«Ну, теперь будете вести себя спокойнее...».

«Второва – в надзорную...».

«Ну-ка, повернись-ка на живот...».

«Я вообще-то лет в пять попал в детдом. В 35-м. Но отца я помню прекрасно. И фамилию нашу знал хорошо. Было нас пятеро: поповские дети, Апостоловы. Я, Миша, младший был. Помню и своих братьев и сестру. Но не видел их более никогда...».

«Ну что, брат, сейчас даст...».

«Сульфазин!...».

«Да, как я попал в детдом, помню хорошо...» – последний голос начал преобладать. Тихий, старческий голос. Тихий, бледный, но радостный.

«Вот там впервые это и произошло... Да, в детдоме...».

Голос неспешно повторял одно и то же, как будто хозяин его владел магией снов и желал заклинаниями своими вызвать к жизни картины своих видений.

* * *

– Дети, дети, немедленно собирайтесь, через час машина уйдёт.

Молодая воспитательница истерично кричала и беспорядочно суетилась. Повариха, она же и завхоз маленького детдома им. Луначарского, Агриппина Никитична, тетя Груша, была более спокойна. Мягкая душой своею и телом, она была как большая семейная подушка для всех ребятишек. Их было немного – не более тридцати: от 5-ти до 13-ти (т.е. до 5-го класса, далее их переводили в большой детдом в области), тетя Груша – повариха и завхоз, Вениамин Моисеевич – микро-Сухомлинский, друг Макаренко (по собственным рассказам), с большим стажем работы в детских коллективах (лагерях, в том числе – пионерских, детдомах, колониях и интернатах). Вот они и все. Были ещё сторож-истопник и его жена. Но то были люди местные и эвакуации не подлежавшие.

Ведь шла эвакуация. 41-й год. Вениамин Моисеевич взял лошадь у сторожа и ускакал в область за транспортом. Он сразу же был эвакуирован. Но и машину все же послали. Большая полупортка ждала во дворе.

В кабину села Мария Викторовна (Муся – так звал её директор). В кузов – тетя Груша и Надя, вторая воспитательница. Туда же положили провиант, одежду для детей, пишущую ма-

шинку, личную библиотеку директора детдома им. Луначарского, личные вещи персонала. Детей поставили, т.к. места в кузове было так мало, что сидеть было негде. Да и скамеечек в машине не было.

Перед отъездом шофер бросился в медпункт, сказав, что порезал палец. Вышел он оттуда минут через 5. Порозовевший. Наверно, от крови. Загрузились. Поехали.

Проехать нужно было немного – до областного города, где детдом должны были посадить в поезд. Дорога была хорошая, шоссе. Можно было бы ожидать, что оно будет забито транспортом, но, странно, дорога была совершенно пустынна. По обочинам иногда попадались разбитые машины, телеги. Видно было, что дорогу бомбили. Сейчас же было совершенно тихо. Пусто. Мертвый жаркий день.

Шофер гнал изо всех сил, круто объезжая воронки на дороге. Дети тряслись в кузове, как вязанки хвороста, стучаясь друг о друга и потрескивая. Им все было интересно: разбитые машины, пустая тишина, лишь изредка нарушаемая дальним рокотом моторов, ругань водителя в кабине, хмурое молчание администрации (кроме тети Груши). Пустая тишина на фоне нудного рычания собственного мотора машины. Дети смотрели по сторонам и трещали. Как сухие веточки.

– Вот тогда-то мне впервые явились Невидимки, – говорил тихий голос Миши. – Я стоял у заднего борта. Держался крепко. Страшно было. Шофер гнал всюду, и машину сильно трясло. Ну, Невидимки мне и говорят: «Миша, отойди от борта, сейчас он откроется, и ты можешь упасть и убиться».

Голос Невидимок был добрый и решительный. Я сразу ему поверил и говорю ребятам:

– Давайте отойдём от борта. Мне сейчас Невидимки сказали, что он откроется, и мы упадём на дорогу. Давайте отойдём от борта скорее!

Смех детей был ответом Мише. Если бы он хотя бы не говорил о Невидимках! Но наивный, простоватый Миша не мог не назвать их – ведь его бы спросили: откуда ты узнал об этом? Да и что, собственно, он узнал? То, что якобы должно произойти? Но почему это должно произойти? Почему?!

Борт открылся. Он открылся, и детдомовцы, как чурочки, повалились вон... Машина оставляла за собой след: через равные промежутки на шоссе лежали маленькие люди, и вокруг

некоторых из них расплывались лужи. Лужицы крови.

В лужице лежал и Вася Майский – мальчик, который в ответ на предупреждение Миши покрутил пальцем у виска.

В лужице лежал и конопатый Андрей Майский. Он не брат Васи: просто они пришли в детдом из детприемника области накануне первого мая.

В лужицах лежали еще четверо.

С переломанными ногами мучилась на дороге Надя-воспитательница.

Но не остался на дороге Миша Советский (такую фамилию он получил в детдоме) – он заранее отошел от борта. Теперь на него, онемев, смотрели оставшиеся в кузове бритоголовые дети детдома.

Все отшатнулись от борта.

– А! А! А! – пронзительно закричали пассажиры кузова и забарабанили по крыше кабины.

Миша молчал и смотрел широко открытыми глазами на убегающую черную дорогу с шевелящимися кровавыми лужицами. Над дорогой в душном летнем дне струи горячего воздуха восходили ввысь, и лес на горизонте дрожал, готовясь расплавиться и вознестись в светящееся голубое небо.

* * *

Николай все еще лежал в надзорной, хотя сульфазин уже отступил.

– Ну как, теперь вам лучше? – ехидно осведомилась Лия Михайловна, – Ну ничего, полежите-ка еще здесь дня три, четыре. Компания здесь для вас вполне подходящая.

Повернувшись сразу всем корпусом, старшая сестра отдала еще два– три распоряжения дежурному санитару и вышла.

В палате осталось пятеро: Николай, двое буйных, санитар и хроник. Николай только сейчас заметил его, пожилого, серенького. Его звали «Миша-ангел», или иначе – «Апостол» (так его звали даже врачи, за то, что он именовал себя не иначе как Михаилом Даниловичем Апостоловым, в то время как на самом деле его звали Михаил Владимирович Советский. Эту чудную фамилию он получил в детдоме, т.к родители его были жертвами ВОРа). Вспомнив все это, Николай горько усмехнулся, думая про себя: «Можно было бы подумать – революционеры, павшие жертвами

в борьбе за революцию. Впрочем, странно, как они могли быть жертвами революции, когда он в детдом попал в 35-м, в возрасте пяти лет?!»

Эта мысль потянула за собой Николая, и ось его начала медленно вращать его до тех пор, пока карие глаза его не встретились с голубыми, старческими, но яркими, а не бледными, глазами.

– Да, молодой человек, так в первый раз явились мне Невидимки.

Тихий голос старика, лежащего на соседней койке вдруг сразу отрезвил Николая. Последние облачка сульфазинового тумана рассеялись. Он понял, что все это не было лихорадочным бредом «товарища Сульфазина», все, что ему привиделось. Но было это рассказом старика, который и сейчас продолжается и повествует о Невидимках. Николай понял, о чем говорит старик, и воздушный озноб пролетел по его спине, как будто кто-то коснулся его и сразу отпрянул. Как будто чей-то силуэт мелькнул в уголках глаз. Ясный, струящийся. И тотчас исчез. Вышел из поля видения.

– Это необыкновенно, – почти выдохнул Николай, – а что было дальше? Приходили ли еще Невидимки?

– Не знаю – уходили ли они, – ответил хроник, – но являлись они не часто. Следующее явление было почти через 10 лет, больше – 12. В 53-м. Когда умер Сталин.

* * *

Михаил Данилович жил в Москве, близ Доброслободских бань. В большой пятикомнатной коммуналке. Соседи у него были смирные. Терпели чудаковатого парня да посмеивались над ним. Работал Советский слесарем– водопроводчиком в банях. Дело стоящее, уважительное.

По воскресеньям он иногда ходил в Патриарший собор. Но редко. От храма, воспоминания о котором у него остались с далекого туманного детства, он отвык. Детдом, интернат, ремеслуха – отнюдь не склоняли к религиозности. В храм Михаил стал похаживать после того, как в банях познакомился с тамошним сторожем, и тот стал ему устраивать в храме приработок. Слесарь-водопроводчик – человек, нужный всем.

Тогда-то и вспомнил Михаил, что он поповский сын. Стал

ходить в собор. И привык. Новое чувство спокойной веры, проснувшееся в его душе, напоминало ему детство и, что странно, тот летний военный вечер. Эвакуацию. Невидимок.

Стал Михаил иногда грустить. Уходил в свою комнату и, вспоминая их, вроде как молился. Молитв он не знал, кроме «Господи помилуй», но она казалась ему слишком простой. И молился он по-своему, уходя в какую-то голубую даль, становясь легким, струящимся и, как ему казалось, – невидимым.

Весна 53-го наступила неожиданно. Все будто сошли с ума:

«Сталин умер! Умер Сталин! Умер!.. Умер!..»

Михаил, как человек не вздорный, но даже компанейский, не то чтобы со всеми переживал, но от участия в общенародной скорби не уклонялся. Его даже трогало: вот ведь, умер великий человек! Сталин! Что же теперь будет? Все собирались на похороны – как война началась. Будто весь мир держался на этом странном имени – Сталин. Весь мир вокруг Михаила. Но в нем самом этого мира не было. И если бы он так легкомысленно не забывал о себе, он даже не узнал бы об этом событии, потрясшем весь мир. Да он, по правде сказать, и знал-то об этом лишь понаслышке – от соседей, которые собирались идти на всенародные похороны и позвали с собой Михаила.

Оживившись и радостно закивав, Михаил бросился к себе в комнату надеть торжественный костюм.

«Когда я открыл дверь и вошел в свою маленькую (10 кв.м.) комнату, быстро раскрыл гардероб, чтобы переодеться, какое-то странное впечатление от комнаты, возникшей в гардеробном зеркале, заставило меня остановиться и взглянуться...».

Казалось, что воздух в комнате движется, что она потеряла тот убогий вид, который был ей привычен: стены е□, с сальными блеклыми обоями, во мгновение были будто вновь возведены, как стены волшебного замка. В комнату сквозь обои струился золотой свет. Мебель: обшарпанный диван с высокой спинкой, письменный стол с тяжелыми тумбами, который Михаил использовал как верстак, и кресло с прямой резной спинкой (подобранный на улице) – мебель ожила и задышала теплым живым деревом.

– Я резко обернулся и спросил: «Кто здесь?»

– Миша, – вдруг проник в меня знакомый голос, – Миша, не ходи на улицу. Не ходи. Погибнет много людей.

– Невидимки! Невидимки! – закричал я, – скажите мне,

что еще нужно делать? Я верю вам. Скажите! Невидимки! Не уходите от меня!

Но больше Михаил уже ничего не слышал, а нашел себя сидящим на качающемся стуле и глядящим в большое зеркало гардероба.

– Александр Соломонович, Вика, Мария Яковлевна!

Вскочив со стула, Михаил бросился в коридор.

– Стойте! Не ходите! Там людей будут давить! Не ходите!

Он стоял в светлом проеме двери и как-то негромко кричал. В темном коридоре все замерло. Соседи, ждавшие Михаила у выхода, затихли, как загнанные в угол мыши.

– Да вы что?! С ума сошли?! Спятили?! – взвизгнула Мария Яковлевна.

– Ну что вы, Михаил Владимирович, успокойтесь, мы все понимаем... у всех такое горе, общее...

– Стойте, не ходите туда! – продолжал призывать Михаил.

Но в т□мном углу коридора уже послышался щелчок замка. Соседи задом, один за другим быстро вышмыгнули на лестницу. Последней, прижимая к себе девятилетнего Сашеньку, ретировалась Мария Яковлевна. Дверь хлопнула. Тишина и темнота остались вместо людей прямо перед лицом замолкшего Михаила. Несколько секунд он смотрел в бессмысленную тьму коридора, потом шагнул назад в свет своей комнаты и закрыл дверь. Коридор провалился в т□мное небытие.

* * *

«Советский Михаил Владимирович проживает в нашей квартире с 1948 года», – старательно, высунув язык, выводила пенсионерка Искра Аркадьевна Магнето. Написав это, она остановилась и вновь перечитала начало своего труда:

«В следственный отдел ГПУ (ведь именно так надо писать). Заявление. Довожу до сведения, что в коммунальной квартире по адресу Денисовский пер., д.14, кв. 17 проживает враг советского народа Советский Михаил Владимирович».

«Советский! – хмыкнула про себя Искра Аркадьевна, – Антисоветский! Вот он кто! Нет, вы только подумайте, каков подлец! В бане водопроводчиком замаскировался. Интересно, как он там

вредил – воду, наверное, отравлял!...».

При этой мысли тов. Магнето вздрогнула и покрылась испариной: она сама была постоянной посетительницей Доброслободских бань.

«Вдруг и я отравлена?! – залихорадило Искру Аркадьевну, – тогда немедленно к врачу. Меня должны спасти. Скорее!»

Магнето почти вскочила, но новая жуткая мысль схватила ее за суставы: «А ведь врачи-то – сами отравители! Все об этом знают. Может быть даже сговор!»

Магнето рухнула на стул. Ее пожелтевшие прокуренные пальцы схватили перо.

«По-видимому, находится в сговоре с отравителями, – каллиграфировала она на бумаге. – Представляет особую опасность!!!»

«По вине вышеозначенного товарища (Искра Аркадьевна досадливо замазало слово и вывела – «субъекта») были организованы беспорядки во время всенародных похорон тов. Сталина. Нанесен серьезный ущерб народному хозяйству. Задавлен пионер Александр (9 лет), участвовавший в мероприятии совместно со своей мамашей Марией Яковлевной Безвинной, проживающей в одной квартире с врагом».

Сосредоточенно перечитав свое послание, Искра Аркадьевна дописала:

«Общественность требует сурово наказать виновника – Советского Михаила Владимировича».

Точка. Дата. Подпись. Подписываться Искра Аркадьевна не боялась, т.к. хорошо знала, где и когда это можно делать.

* * *

Требования письма «потрясенной общественности» сценически реализовались сначала в следственном отделе КГБ, потом в камере предварительного заключения, на суде и, наконец, в зоне особого режима в дальних северных пределах.

«Это было ужасно. Так бесконечно отвратительно и жутко, что и рассказывать об этом невыносимо», – голос Миши-ангела, пожилого больного-хроника дрожал прожитым, но не ушедшим ужасом. Николая пробрало. Он затих, как зверек, почувшавший упавшую на него тень смерти. Ему казалось – коснись он сейчас этой тени, и рука его пробудит ее жадное бытие: вся она вско-

лыхнется, как болотная жижа, и прилипнет к попавшей в него беспечной жертве. Какая нечеловеческая жуть испарялась из этого темного провала, наполненного кровью, стонами, незрячими глазами, вцепившимися пальцами...

Николай смотрел на человека, лежащего рядом, и вдруг представил, что это лишь скорлупа, сухой чехол некогда сильного и здорового тела. Но где оно само? Где его тяжелая, упругая плоть, его пульс, тепло, дыхание? Богатое воображение Николая, как больной художник, рисовало дикие холсты в темных тонах. Он понимал, чувствовал эту связанность, слитность тысячей жизней и смертей, звенящую мерзлоту, в серебряную оправу которой вставлены камни человеческих тел: отдельно руки, отдельно ноги, кипы бумаг, дела, характеристики, приговоры...

В действительности, пребывание Советского в лагере было, по крайней мере, благополучнее многих. Умелый слесарь, он слесарем же вкалывал и на зоне. А это было кое-что: не нужно было идти с командой в лес – работал он в мастерской или на объекте в относительном тепле. Но не тяжелая жизнь в лагере доставала Михаила, нет, – но сама по себе неволя. Можно было бы предположить, что детдомовец Советский привык к жизни в коллективе, к дисциплине. На самом деле, самое нутро Михаила возненавидело эту парализующую жизнь, эту непрекращающуюся несвободу.

Несвобода. Ограниченность для взора, для бега, для крика – мучительное состояние это преследовало Михаила с отрочества. После чего-то мягкого, уютного, кормящего и, главное, обещающего иную, бескрайнюю жизнь, что помнилось Михаилу от его давнишнего детства, – лишённость этого обещания, окраденность, обманная ловушка тяготела над ним все годы.

С 5 до 17 лет (т.е. детдом, интернат и ремеслуха) были годами, когда место, отпущенное душе Михаила, сжалось до темного душного пространства под одеялом. Накрывшись с головой, белым пологом он отделял от себя мир сопевших, кряхтевших, шептавшихся на соседних койках. Тишина и безвидность воцарялись в таинственной тьме; из него начинали выплывать лики отца, братьев, крестной, смутные пейзажи, абрисы икон и, наконец, кто-то возвышенно-сияющий, неуловимый слишком медленным взором его.

Но наставал день. День, который буквально лез в душу, что-то оглушительно кричал в уши, слепил глаза картинами и

лозунгами. Но в крике, в который он пытался вложить всю свою поэзию великих начинаний, в крике этом Михаил узнавал лишь лихорадочную скороговорку безумца, потерявшего какое-то, как ему кажется, чрезвычайно важное слово, и теперь искавшего его, говоря все на него похожие, воя, щелкая, рыча, думая, что в старательном этом звукоподражании прозвучит то, забытое, слышанное когда-то. Еще более раздражали Михаила люди – все, что они делали, все, что говорили, даже думали, все – вплоть до их внешнего вида, выражения глаз, рта, движения рук – все это казалось ему ложью, придуманной игрою, каким-то неприличным театром. Никто из заполнявших пространство сцены, так всегда и так старательно повернутой прямо в лицо Михаилу, – никто не знал о себе ничего. И даже не догадывался.

Михаил знал. Он помнил это точно. То, что родился он, чтобы быть Михаилом Даниловичем Апостоловым и никем иным. Чтобы говорить и видеться с теми, с кем только и должно говорить и видеться. Чтобы жизнь его была этим разговором и этим свиданием. И если их не было, то не было и его – Михаила Даниловича Апостола.

* * *

Совершенно опустошенный и измученный отчаянием, Михаил Владимирович Советский решил на самоубийство.

Ему казалось, что невозможно уйти от того надежно организованного быта, которым он, Советский, проживал с детства. Лишь небольшие перерывы, побывки – но они так быстро и так давно прошли. 7 лет лагеря уже вобрали в себя всю жизнь Советского. Не было уже у него другой жизни.

Но самое главное – и не могло быть. И потому Советский решил вернуться туда, откуда в общем-то пришли все советские люди – в небытие. Будучи ранее верующим, Советский знал, что после смерти человека ожидает вовсе не небытие, а жизнь его невидимой души. Но это-то и нужно было Михаилу. Став невидимым, он не только будет избавлен от невыносимо навязчивого присутствия видимых, но имеет шанс встретиться с ними – с Невидимками! Он станет одним из них!

Вдруг Михаил радостно понял, что быть Невидимкой – это и есть то, к чему призван он – Михаил Данилович Апостолов!

«Может быть и они, Невидимки, когда-то были в этом мире,

– думал Михаил, – но зато теперь они бесконечно свободны. Никто не может не только посадить их в лагерь, но даже сказать где они, кто они, как они выглядят? Никто не сделает фото в фас и профиль, никто не окликнет – стой! Кто «стой»?!»

Стать Невидимкой – это решение Михаил принял бесповоротно.

* * *

– Однажды я выбрал подходящий момент, – рассказывал хроник Николаю, – и решил пилой перерезать себе вены. Забился я в темный угол мастерской, взял пилу и... тогда-то они не просто явились мне, но я ощутил их силу. Невидимки вырвали пилу из моих рук и говорят мне: «Миша, оставь это, так нельзя стать свободным. Но ты потерпи еще три дня, и из лагеря тебя выпустят. Тогда отдохнешь немного. Потерпи, Миша. Всего три дня».

Ну, я сразу успокоился и пошел в барак. Назавтра – подым. Я лежу спокойно – знаю, что три дня осталось, так чего ж дергаться. Пускай наказывают – три дня можно и потерпеть.

– Встать! – кричат. – Встать!

Ну, я встал.

– Почему не выходите на работу?!

– А зачем? – спрашиваю.

– ?

– Зачем? – говорю, – все равно ведь послезавтра на волю.

– Что?! На какую волю?!

– На ту. Туда.

– Куда туда?

(Тупая ярость схватила лицо охранника. Между Михаилом и сержантом, как тяжёлые брёвна, остались слова и вопросы – Туда? Куда? Кто?)

– Я вам просто говорю, – вдруг истерично взвизгнул Михаил, – Не трогайте меня! Я почти свободен!

– Ты почти труп, – глухо прорычал в ответ сержант, – к начлагу.

* * *

– Понимаете, гражданин начальник, вчера мне явились

Невидимки и сказали, что послезавтра меня освободят, – возбужденно объяснял Советский начлаг капитану Вербовому. Вербовой был крупный, с маленькими, красноватого цвета глазами, злобно и упрямо смотревшими из глубины лысого черепа. Налитые кровью пальцы начлага с неотвратимой уверенностью разминали «Казбек».

– Ну?

– Ну, вот, я и говорю...

– Почему не вышел на работу?

– Невидимки...

– Молчать! – свирепо и глухо прокричал Вербовой, – В карцер! Я тебе покажу невидимок!

Вербовой выругался, но руки удержал на столе. Все – таки сейчас не то время. Взгляд его тоскливо взметнулся к стене, с которой на него смотрел портрет основателя советских воспитательных учреждений – Феликса Эдмундовича.

– В карцер... – одиноко провыл Вербовой.

* * *

Советского Вербовой возненавидел на основании изучения его приговора – подлец был причастен к смерти Вождя. Ворошиловский стрелок сержант Панас Вербовой метко бил врага в составе батальона СМЕРШ и мог только мечтать о звонках на погонах. Мечта сбылась в 49-м, а в 63-м он, уже капитан, был начлагом. Но тяжелая дума, ежедневная забота беспокоили Панаса Вербового.

Оказывается, Сталин был культличностью. Оказывается, было допущено много ошибок (каких? – Вербовой понять не мог). Сначала выпустили уголовников, потом всякую политическую шваль – «реабиритация». Теперь, когда уже вроде все наладилось, вроде вновь началось пополнение, да еще какое, нужно выпускать еще одного врага народа – Советского, убийцу Сталина. Пусть даже тот культличность, но все же Руководитель был. У кремлевской стены все ж оставили. Да, незадача выходит с этим Советским. Сидел бы себе и сидел, так нет...

От этой мысли зубы Вербового заскрипели, потом челюсти слегка приоткрылись и вдруг захлопнулись на мундштуке «Казбека».

– Ну, погоди, падла, – подумал Вербовой, – это еще не

конец...

* * *

– Советский, на выход, – тупо крикнули в открытую дверь. Дрожа от мороза, голода и ожидания, Михаил вышел из темного карцера и сразу же ослеп в солнечном воздухе. Так, ослепленный, он был приведен в административный барак, где безликий, с растянутыми в стороны и вверх губами его ждал начлаг. Советскому выдали справку об освобождении, деньги и торжественно объявили, что он, гражданин Советский Михаил Владимирович, становится товарищем, «реабиритированным» советским правительством от всех своих преступлений, которые есть судебная ошибка и ничего более. Теперь наше советское правительство эту ошибку полностью исправило, тов. Советский полностью прощен, его поздравляют, он может ехать по прежнему своему месту жительства и иметь дальнейшие успехи в трудовой деятельности (чего ему желает советское правительство).

Вербовой жал руку своему новому товарищу, несильно, но плотно его обхватив и придерживая за локоть.

– Я всегда знал, что вы наш человек, просто ошиблись в вас. Перегнули палку некоторые. Ну, да ничего, справедливость советское правительство преследует до конца, – поздравлял Советского начлаг. Вербовой был за справедливость. Тяжелое лицо его даже слегка покраснело от собственной убежденности.

И от напряженной мысли: «Значит он знал! Знал, что его выпустят. Ясно, лапа у парня наверху – это уж точно. А то как же? Видно, сообщили ему срок, ну он и зарвался, гад. Покуражиться напоследок решил. Почувствовал свою власть. Надо быть с ним повежливей, однако, – этот хлюпик мог бы еще пригодиться. Времена-то, вишь, какие, черт бы их побрал... Вон в соседнем лагере уже старых убирают. Остапенко – в отставку, а ведь он моложе меня.»

Мысль Вербового крутилась в его голове, и от поворотов его красные пятна выступали на бритом черепе, и тайно красновато светились глаза. Всеми своими лицевыми мышцами Вербовой растягивал в сторону рот, вцепившись в руку Советского, потряхивал его и похлопывал по плечу.

– Ну что ж, товарищ, с Богом, как говорится, – глухо рычал Вербовой, – вот Бог (он показал скулой на угол с портретом), а

вот – порог. Скатертью дорожка, будем рады свидеться, желаем счастливого пути.

Дверь кабинета захлопнулась за телогрейкой Советского, оставив, против е[□] белого масляного пространства, Вербового наедине со своими вращающимися мыслями.

* * *

Мысли Вербового вращались не впустую. Нутро его правильно почувствовало опасность времени: через полгода ворошиловского стрелка, героя войны, начлага особого назначения, капитана Панаса Вербового почислили в отставку.

В воздухе повис капитан Вербовой. Даже майора получить не успел. Жены нет. Квартиры нет; да и то подумать – какая квартира может быть в лагере? В общем, смерть пришла к Вербовому – отставка. Ну, это почитай, что высшая мера! Ведь для родины на вс[□] готов, а они...

«Ну, ничего, – думал Вербовой, – надо, пожалуй, найти этого, «реабиритированного», надавить на фраера. Расколется гад, как...как...». Вербовой не смог подыскать нужного слова и хлопнул челюстями.

Вскоре московская справочная положила перед тяжелым мужчиной, бритым, с красноватыми глазами в синем бостоновом костюме адрес Советского Михаила Владимировича, 31-го года рождения.

Подробные сведения о жильце Советском дал Вербовому старший по дому пенсионер Наум Маркович Резников. В юности еврей, к своим 70–ти годам Наум Макрович (как он представился Вербовому) совершенно потерял признаки национальности, социального происхождения, пола и всякого характера. Плешивая, бурого цвета голова Наума Макровича, похожая на подгнивший картофельный клубень, оживл[□]нно крутилась на длинной бескровной шее кошерного цыпл[□]нка и подробно описывала образ жизни подозреваемого. А Наум Макрович подозревал всех!

К Вербовому, своему старшему коллеге (капитан в отставке представился Резникову начлагом, интересующимся жизнью и исправлением бывших заключ[□]нных) Наум Макрович сразу же проникся должностным доверием. От него Панас Вербовой узнал: где проживает гражданин Советский, где работает (в ЖЭКе – сантехником), идеологически неустойчив (посещает

религиозные мероприятия в Елоховском соборе), когда обычно возвращается домой, что покупает в магазине и т.д.

Удовлетвор[□]нно буркнув и захлопнув блокнот, Вербовой мужественно пожал цыплячью руку Наума Макровича и, пожелав ему успехов в труде, пош[□]л к палатке на углу: выпить пива и обдумать план действий.

Распаренное в августовской жаре под синим бостоном тело Вербового жадно всасывало в себя холодное пиво. Шумными плесками пиво вглатывалось внутрь и вместе с ним вглатывал в себя Вербовой мрачную решимость – довести дело до конца!

«По-хорошему с этим гадом может не выйти, – прикидывал бывший начлаг, – может выскользнуть, как тогда из карцера. Нет. Надо парня брать живь[□]м, сразу, т[□]пленьким.»

Вербовой уже осмотрел дверь Советского в многокомнатном т[□]мном коридоре и понял, что замок уже давно сломан и в двери стоит только для виду.

Выплеснув остатки пятой кружки на запл[□]ванную траву у ларька, Вербовой грузными шагами пош[□]л на осмотр московского метрополитена. В комнату Советского он решил проникнуть вечером, часов в 8, когда тот, в соответствии с информацией Наума Макровича, еще не верн[□]тся с культового мероприятия. Время у Вербового было, и он решил повисить свой культурный уровень.

* * *

Свет, проникающий через занавески комнаты, не давал тьме захватить вс[□] е[□] пространство, и только за столом, сразу у входа, около дивана и в дальнем углу, за круглым столом, придвинутым к стене, тьма плотно сгущалась, ожидая своего часа.

Но там, в дальнем углу, ей уже полагался предел: в маленьком красном огоньке лампадки.

Оглядев комнату (покосившийся фанерный шкаф, диван с высокой спинкой, украшенной зеркалом, крупную этажерку, на которой стояло несколько книг, обернутых в бумагу и подписанных от руки, а также коробочка с мелкой дребеденью, почему-то бинокль, три стакана и заварной чайник), Вербовой остановил свой взгляд на круглом столе, возле которого примостились два стула, на один из них и опустилась фигура капитана. Стул напрягся, уперся в пол всеми четырьмя слегка подогнутыми

ногами, но устоял.

Теперь Вербовой находился в дальнем углу, и вся комната была перед ним, как на ладони. Лапа капитана тяжело опустилась на стол и, зачем-то, покачала его. Ещё раз оглядев комнату, Вербовой вдруг вздрогнул: у противоположной стены, как раз там, где стоял диван со спинкой, горел какой-то странный красный огонёк. На мгновение Вербовому показалось, что это тлеет папироска, и рука его метнулась к поясу брюк. Там, за поясом был засунут ТТ.

Но вот начлаг уже понял, что это не папироска, и, ощерившись, выругался. Но рука всё же достала ТТ и, сняв с предохранителя, положила пистолет на стол. Другая лапа Вербового уже разминала «Казбек». Капитан поднял взгляд вверх и увидел почти над собой свет лампадки, которая и отражалась в зеркале диванной спинки. Вербовой снова выругался и, встав, прикурил от него. Потом задул огонёк. Мрак в комнате стал гуще и зловещей. Уже ничто не отражалось в зеркале, а красный глаз папиросы капитана то вспыхивал, то вновь потухал.

* * *

Михаил перекрестился и низко поклонился ровно и мирно светящимся вдали на иконостасе лампадам.

– Так я поклонился, – рассказывал Миша-ангел, – и собрался идти домой. Всенощная кончилась. Я немного в притворе замешкался. И вдруг... Как раньше, совершенно неожиданно мне явились Невидимки и говорят: «Миша, домой сейчас не иди. Там человек сидит опасный. Не ходи сейчас домой, Миша.» Я уже знал, что Невидимки, милостью Божией, всегда меня спасают. И хоть и не говорят они со мною, когда захочу, но всё равно – не будь их, я давно бы погиб. Но главное то, что с самого первого раза я им доверяю и, даже больше скажу, – люблю их и верю им, как своему отцу родному. Ну, или, как матери, что ли...

Как мы здесь одиноки... Каждого можно увидеть, пощупать, понюхать – но всё равно, он для тебя чужой навсегда: потому что ты здесь, в этом месте, а он – там, в другом. Но есть такое место, где всё одно: там уже не скажешь, будто есть кто-то чужой – нет, но все едины и, потому, свои, собственные. Невидимки из этого единственного места; они – это как бы мы, но мы не сейчасшие, не вчерашние и не завтрашние, не здешние и не тамошние – но

мы, самые что ни на есть всеобщие и единственные. Я сам это плохо понимаю и потому говорю плохо. Но чувствую это хорошо. Вот почему Невидимки знают будущее, которое мы делаем. Но что делаем – не знаем, не знаем, что получится, потому что не знаем, кто из нас что делает... Вот...

А тут мне Невидимки точно говорят – что делает этот начлаг, то бишь бывший начлаг – Вербовой: что он сидит у меня под иконами и курит, а на столе перед ним лежит ТТ. Человек он злой, опасный, несдержанный. Лучше с ним дело не иметь. Вот и пошёл я на вокзал. Думаю – переночую там, а утром – может он и уйдёт.

Сидел, сидел на вокзале. Вдруг, подходит ко мне милиционер. Я аж похолодел. Жутко мне от их синего цвета. И запах у них жуткий – запах неволи, одиночества страшного. А у этого и подавно: лицо землистое – может от недосыпа, а может от природы или по наследству, глаза у него двигались медленно, говорит на вздохе, будто кто-то горло ему перехватил – в общем, показалось мне, что парень не одной, а двумя ногами в яме стоит. Может, пил слишком, не знаю...

Ну, подходит и давай свою ментовскую канитель: откуда, куда, документы, что здесь делаете?... Я ему подробно объясняю: «Гражданин старшина, мне Невидимки сказали, что домой мне нельзя идти, что опасно, Христом-Богом молю, дайте до утра досидеть.»

А он озлился, как будто мешаю я ему в чём-то.

– Что! – орёт, – Ты что, за ручку тебя отвести. Паспорт давай.

Я ему: «Нет у меня паспорта, дома он».

– Где живёшь?

– Новая Басманная, дом 31, кв. 6.

– Так это ведь здесь рядом. Что ж ты врёшь. Думаешь, проверить трудно? Я в тебе сразу зека признал. А ну, вставай. Пойдём, посмотрим, где ты прописан.

– Да нельзя туда...

– Кому нельзя?

– Мне нельзя.

– Ну, давай, давай... Я с тобой пойду.

– Да нельзя...

– Встать!

Всё сразу встало на свои места. По твоим переулкам от

Казанского вокзала тащились две неравные фигуры: маленькая, щуплая, в белой рубашонке с короткими рукавами, из которых нелепо свисали руки, и крепкая, надменно обмундированная, настолько основательная, что, казалось, весь мир, всей своей устойчивостью, всю силу своего порядка воплотился в ней.

Каменным звуком бухнула подъездная дверь. Грязная, тусклая лампочка на лестнице. Мраморные ступени. Широкие. В каждой из них вытерто ложе, ложбинка – как выдолбленная яма. Сыростью и холодом, несмотря на духоту ночи, светились стены. Даже капли выступили на их бледно-зеленой масляной поверхности. Может быть, именно их испарения давали воздуху такой тяжёлый, мертвенный дух и делали его мало прозрачным и фосфоресцирующим вдоль лестницы, вокруг лампы, вдоль побеленной сверху стены, вокруг высокой двухстворчатой двери с рядами звонков, табличек, почтовых ящиков с наклеенными на них названиями газет и журналов.

- Ключ!
- Вот. Осторожно. Чуть направо и вс...
- Ясно...

Дверь открылась без скрипа.

- Какая дверь?
- Третья справа.
- Ключ.
- Она не запирается.
- Отойдите в сторону, я сам.

* * *

Светлый квадрат встал перед глазами Вербового. Встал неожиданно и неотвратно, как и фигура милиционера в нем. Голова Вербового дернулась, и мысли рухнули куда-то вниз, в пропасть тяжелого тела.

«Так. Заложил, гад. Знал ведь, знал вс... Вс...»

«Вс! Вс!» – ещё бухало в черепе Вербового, а стальная кисть уже привычно схватила рукоять пистолета.

Бух! Бух!

Дернулась голова силуэта в светлом квадрате двери.

Бух! Бух!

Дверь захлопнулась во тьму.

* * *

– Потом было следствие, – как-то устало, равнодушно продолжал Апостолов, – там все, конечно, интересовались... Получалось, что я соучастник убийства пионера Саши и старшины милиционера. О Сталине не говорили ничего. Об убийствах этих я знал заранее и не предотвратил их – ясно, значит – виноват... В общем, припёрли меня к стенке... А когда я им рассказал правду... ну, о Невидимках, – отправили на психэкспертизу. С той поры я здесь. Почитайте уже лет 14. Мне вот всего-то под 50, а я уже совсем развалина и скоро умру. Но это неважно. Важно то, что значат здесь, в этой жизни Невидимки. И что будет там, в жизни последующей...

– Так что же вы, никогда не видели Невидимок?

– Отчего же? Теперь я вижу их, хотя и неясно, гадательно. Вижу их. Они рядом с тобой. Здесь они. Невидимки.

* * *

Кончился месяц, и в начале следующего Николая выписали. Чуть не накануне почему-то пришёл, как всегда опаздывая, Саша – приятель Николая. Принёс ему «Беломор» (Николай, стилизуясь под обстановку в дурдоме, курил папиросы), молча, никуда не глядя, выслушал рассказ Коли о почившем в Бозе хронике Мише-Ангеле, и в ответ продемонстрировал свой сонет, написанный в настроении возвышенности.

Сонет

Взгляд, беззастенчиво глядящий
В тебя и тут же уходящий,
Когда вниманья смертный круг
Ты обнаруживаешь вдруг.
Он в сторону, за ним помчаться,
Но не поспеть... Уж со спины
В твой мозг вторгаются, струятся
И непонятны, и страшны

Картины тонкого свеченья,
Бегущие от глаз виденья,
Крылов блестящих мощный мах.

Но сердце сковывает страх,
И снова мечемся впотьмах,
В себе не поборов сомненья...

Сонет Николаю не понравился, он не любил сочинений друзей. Саша ушёл, так как приход его был совершенно бессмыслен.

На следующий день из дурдома ушёл Николай. Для Михаила Даниловича Апостолова совдеп был домом его жизни. Роддом, детдом и, наконец, дурдом – давший ему последний приют.

Коля шёл по широкой Таганской площади, дома вокруг были маленькие, приземистые, и только один – огромный, многоэтажный кирпич сталинской эпохи, с безумной высоты аркой посередине, балконами-лоджиями и невероятной для неба ультрамариновой раскраской где-то высоко вверху.

«Он теперь в невидимом и неведомом месте», – вспомнил Николай Мишу– Ангела. И вдруг, как в ответ на его сердце, что-то таинственное зазвучало в воздухе и полилось. И вновь.

Бум... Бум... – звучали колокола маленькой постройки церковки, почти невидимой на другой стороне улицы, загромождённой домом-гигантом.

«Коля... – вдруг явственно услышал Николай, – Коля!»

Как вечный звук колокола, что-то раскрылось в Николае навстречу зовущему голосу. Какой-то десяток метров отделял его от источника этих, заливающих всё пространство звуков. Коля весь повернулся туда. К той стороне улицы. Он чувствовал, будто не он один стремится туда, но кто-то ещё вместе с ним. Кто-то стоит совсем рядом, совсем близко. Но кто это? Страх и неверие вдруг откуда-то проникли в Николая.

И резкий, холодный посреди жаркого лета удар ветра прошёл перед ним, отделяя от него церковь, другую сторону улицы, зовущий звон.

Снесённый неожиданным порывом, звук колокола оставил улицу беззвучной и немой. Николай застыл на краю тротуара, дрожащий в этой молчаливой ледяной силе. Пустота и тишина нахлынули на него.

– Кто? Кто? Куда?... – забормотал Николай, беспорядочно озираясь.

И вдруг, вновь в паузе немого ветра:

«Бум... Бум...» – гудели колокола.

1985 г.
Москва

Козельское общество русских литераторов

Николай ФОМЕНКО

Стихи

Николай Иванович ФОМЕНКО

Родился в Воронежской области, после службы в армии и учебы в Днепропетровском механическом техникуме по распределению приехал в г. Сосенский, где живет и поныне. С 1989 г. пишет стихи.

«Душа поэта – это зеркало, в котором отражается наш мир, видимый и невидимый, с его надеждами и разочарованиями, с любовью и ненавистью, с дружбой и предательством. Эти темы будут волновать поэта всегда». Член Козельского общества русских литераторов.

А Л Ь М А Н А Х

Злой Град

Страстная неделя (Оптина Пустынь)

Среди темных елей старых,
Среди светлых стройных сосен,
Пост блюдет монах усталый,
Жизнь в миру свою забросив.

Опустившись на колени,
Перед ликом Святой Рати.
Шепчут губы тихо, тихо:
«Да возрадуешься Мати».

Осенив знаменьем крестным,
Бьет поклон смиреньем кротким,
Ибо тяжек путь телесный,
К Богу нет дорог коротких.

Ждать осталось совсем мало,
Дух Святой сойдет с небес.
Скажет с радостью душевной:
Мир вам всем! Христос Воскрес!

2000

* * *

Всадник лих и нет управы,
Застоялся в тихой мгле.
Разгуляться для забавы,
Прет на северном коне.

Слышен цокот за окном,
Удила тугие рвет,
Тучи, диким табуном,
Загоняет в небосвод.

Заскочил ко мне во двор.
Шпоры врезались в бока.
На ходу свалил забор,
Грозный вид у седока.

В сад уснувший заглянул.
По кустам стучал копытом,
Одинокий лист спугнул,
В спешке осенью забытый.

И от ветра укрываясь,
Гасли звезды в ночной дали.
С неба бабочкой срываясь,
На окно ко мне порхали.

2002

* * *

Золотыми нитками отныне
«бабье лето» вяжет паутину,
Затаившись в солнечной ложбине,
Греет осень огненную спину.

Протянула руки над лесами,
Разбросала ворох ржавых листьев,
Красными кленовыми глазами
Осень в синеву бросает кисти.

Теплые, печальные пейзажи
Нарисует желтая планета.
Узелок на память мне завяжет
Липкой паутиной «бабье лето».

2003

* * *

На краю деревенской дороги
Старый дом покинули боги.
Черным оком уставились окна,

Обветшала крыша промокла.
По углам паутина и плесень,
Держат стены усталые ноги.
Не поют здесь давно уже песен,
И клыки обнажили пороги.

Ветер рыщет, сквозит у развалин,
Нарушая дремучий покой.
Мне соседи рядом сказали:
«Там живет лишь один домовой».

Стороной дом обходит прохожий,
Призрак ночью его сторожит.
Он на деда чем-то похожий,
Здоровенный, крестьянский мужик.

В длинной белой рубахе холщовой
Из веков мне трясет бородой:
«Ты построй в этом месте дом новый,
Постарайся, внучек дорогой.

Не ищи заморские страны,
Опостылят чужие края,
Дом залечит душевные раны,
Это Родина, внучек, твоя!»

2003

* * *

Перед образами и святыми ликами
Тускло коптели, теплились лампы.
Мне на душу громкими криками
Низвергались с небес камнепады.

Белый ангел сыпал укоры,
Бил крылами, летая в тревоге.
Я не думал, что будет так скоро
Дама в черном сидеть на пороге.

Дама в черном: «Ты ведь не первый», -
Мне сказать уныло хотела,
Но небесный слуга мой верный
Защищать стал крылами смело.

Ну и пусть, что растратил силы,
Не сберег их для жизни тихой.
Не боятся поэты могилы,
Их пугает земное лихо.

Глянул в паспорт, виза открыта,
И годов еще только сорок.
И просил меня ангел-хранитель
Не умирать так просто и скоро.

Я с годами намного умнее,
И наказ запишу, не забуду.
Станет мир от стихов добрее,
Умирать я и вовсе не буду.

2003

* * *

Дай Бог не испытать
Мне не оправданную боль.
И как горька бывает соль,
Дай Бог мне в жизни не узнать.

Свою звезду в ночном тумане
Дай Бог мне в небе отыскать.
И если пуля в сердце ранит,
Дай Бог на ноги крепко встать.

Отчизну, если будут войны,
Дай Бог умело защитить.
На поле брани – победить,
И умереть за Русь достойно.

2003

Стихи

* * *

Уходит время безвозвратно,
Как исчезает дым костра.
Следы штрихует аккуратно
Тень одинокого моста.

Дрожат невымытые ресницы
Перегоревших фонарей.
Рисует память близких лица,
Родных, знакомых и друзей.

Напоминает без обмана,
Что все мы здесь всего лишь гости.
В жилищах вечного тумана
Нас успокоят на погосте.

И заунывный голос ветра
За все страдания – награда.
Клочок земли – чуть больше метра,
Да поржавевшая ограда.

2003

* * *

И я когда-то был несчастлив,
Покинут всеми и забыт.
Был неразборчив и неряшлив,
В груди молчал живой гранит.

Грешил свободно, без разбора,
Великий бог и властный царь.
Не слышал совести укора
Страны ничтожной государь.

Перешагнув за середину
Горы с названием ярким – жизнь,
Увидел снежную вершину,
Сквозь облака сверкала высь.

Николай Фоменко

Стихи

Да неужели так и будем
Червями ползать по земле.
Не обезьяны мы, а люди,
Чтоб потакать во всем себе.

И растворились облака,
Открылся мир мне в новом свете.
Стучит настойчиво строка
О совести, душе и лете.

2003

* * *

Зимний запах свежести
На твоих губах.
Сердце просит нежности,
Океан в глазах.

Утонуть так хочется,
Захлебнуться всласть.
Годы не воротятся,
И греховна страсть.

В узелок все свяжется,
Даже не воркуй.
На губах окажется
Горьким поцелуй.

2003

* * *

Я нашел себе приют
У зеленой тихой речки.
Там подснежники цветут,
Ходят кони без уздечки.

Убегу знакомой стежкой,
Мысли спрячу все в суму.
Нас встречают по одежке,
Провожают – по уму.

Николай Фоменко

Полюбил с недавних пор
Слушать ветра голос влажный,
И одежда здесь не важна,
Я веду с ним умный спор.

«Все пройдет: и боль, и радость», –
Он мне тихо отвечает.
Молод был, а уже старость
И звезду мою качает.

А она дрожит, мерцает,
Как в груди сердечко бьется.
То горит, то затухает,
Испугалась, что сорвется.

Мы с ней связаны цепочкой,
И прошу ее: потише.
Первым синеньким цветочком
Мы еще чуть-чуть подышим.

Ну, а если сердце станет
И затихнет жизни ветер,
Ты, звезда, сорвись в тумане,
Чтоб никто и не заметил.

2003

* * *

Ночь косматая спустилась на землю,
Звезды роем слетелись в кучу.
В бесконечность смотрю и разуму внемлю,
Головой упершись в темную тучу.

Стою во весь рост, хватило бы сил,
По капле сдвигаю громадину.
Месяц от страха глаза закатил,
Упал в Марианскую впадину.

Звезды, как мошек, рукой разгоняя,
Прыгаю за бесконечность. . .
Нет у Вселенной начала, нет края–
Есть только разум и вечность.

2002

* * *

На свете все предельно просто -
Живи и радуйся, весь мир вокруг любя,
Спасительный найди для сердца остров,
Нас приютила временно земля.

Никто не знает, сколько длится время,
Отпущенное небом и судьбой.
Без веры жизнь – ведь только бремя,
Прожитое, как выстрел холостой.

Пожитки всем придется собирать в дорогу,
Пустым окажется мешок из добрых дел.
Да, по большому счету, мы нужны лишь Богу.
Любить друг друга – все, что Он хотел.

2002

* * *

Превратился день в неделю,
А неделя – в бесконечность.
За окном поют метели,
Проявляя бессердечность.

В небе – хитрая лисица
Хвост кольцом свернула рыжий.
Тучи – темные ресницы,
Закрывают глаз бесстыжий.

Нынче сыр уже не в моде,
подавай звезду с лучами.
Притаилась и не бродит,
Шевелит хитро усами.

Стихи

А небесные искринки
Под крыло слетелись в млечность.
Сторожит наседка – вечность,
Желторотые пушинки.

2003

* * *

Заунывную молитву
Читает ветер на опушке леса.
Исчезла дымная завеса,
Ноябрь холодный выиграл битву.

Все чаще зажигает звезды
Ночным морозом месяц – непоседа.
Осыпал инеем прозрачную березу
И догола раздел беднягу напоследок.

Стеклил озера тонкой паутиной,
Чертил мелкими белые узоры.
Открыло небо голубые шторы,
И лед казался синим – синим.

Холодным студнем на подносе
Лежало солнце как на грех.
И на ладонь ложился снег,
На год прощалась грустно осень.

2003

* * *

В небо синее, как в зеркало, смотрюсь.
Как же ты прекрасна, моя Русь!
Без тебя прожить я не могу,
Дай к ногам твоим, Отчизна, упаду.

Много лиха, много горя и невзгод
На плечах своих пронес святой народ.
Вера в Бога, вера в Родину, Царя.
Кровью, порохом пропахшая земля.

Николай Фоменко

Стихи

Не забыть нам слезы вдов и матерей.
Сталинград, Хатынь и лагерей.
Хоть и было это, правда, так давно,
Нам забыть нельзя Бородино.

От невзгод, врагов и чужой воли,
Нам поможет Куликово поле.
Силу даст простор родных степей,
Необъятной Родины моей.

Нежность мы возьмем у журавля.
Твердость даст нам Русская земля.
Разум снипошл□т нам правый Бог,
Чтобы меч, держать руками крепче смог.

И пускай умом Россию не понять,
Мы живем и будем выживать.
В трудный час отбросим эгоизм,
Чтоб не знали дети слово – терроризм.

2002

* * *

Застелился вечер
Темным покрывалом.
Рану не залечит,
Все тоска склевала.

Залетела смелая,
Видно не до срока,
Затрещала белая
За окном сорока.

Ах ты, доля-долюшка,
Мне бы не тужить.
За родное полюшко
Голову сложить.

Николай Фоменко

Зелена там травушка,
Холмиком земля.
Жизнь моя – отравушка,
Похоронен я.

2003

* * *

В двери дождь стучал – открой,
Не могу попасть домой.
Вчера вышел поутру,
Заблудился на ветру.

В дом пусти хоть на часок.
Сутки лью, насквозь промок.
День прошел, за ним другой,
Дождь из дома ни ногой.

От беседы сердце сжалось,
На столе горели свечи,
А ему, глупцу, казалось
Солнце трогает за плечи.

2002

* * *

В лицо пахнул горячий воздух,
Открылась бездны полынья.
За горло, сжав рукой промозглой,
Кошмарный сон душил меня.
Огромный белый, снежный Барс
Оскалил острые клыки,
Потом летели мы на Марс,
Давило бешено виски.
Чужая красная планета
Встречала цепью черных гор.
Стучало гулко сердце где-то,
Псалмы читал церковный хор.

В году две тысячи тридцать пятом
Поднялся сильный ураган.
Наш звездолет, огнем объятый,
На Марсе шел в ночной таран.
Смешались кровь, песок и пламя,
Гремела яростно гроза:
«Что здесь забыли вы, земляне?» -
мне снежный Барс смотрел в глаза.
Узнать Вселенной естество
Не может груда из металла,
Понять весь замысел Его
Вам технологий будет мало.
На Марсе, чтоб увидеть лед,
Открыть структуру красных газов,
Не нужен сложный звездолет,
Дан человеку сильный разум.
Уже незлобно улыбаясь,
Лизал мне ухо снежный Барс.
Тревожно ночью пробуждаясь,
Горел рубином в небе Марс.
И я подумал, мысль – комета,
Сверкает огненным хвостом.
Зачем изобретать нам скорость света,
Познать Вселенную достаточно умом!

2003

* * *

Покрывало шьет метель,
Стелет свежую постель.
Заметают старый след,
Все, что было, больше нет.

Исчезает навсегда.
В прошлое порвалась нить.
Наша память, вот беда,
Старый грех свой ворошить.

Стихи

Ночь бессонницей грызет,
Сон тревожен и не сладок,
А метель метет, зовет
Вспомнить вкус незрелых ягод.

Запоздалое – прости.
Все бывает – оступился.
Память, сердце отпусти,
Я при жизни расплатился.

Знаю, будет тяжела,
На моем пути дорога.
Душу, полную греха,
Отпусти ты ради Бога.

* * *

Бросить бы все – да в синее небо.
Бросить бы все – да прямо на солнце.
К звездам подняться, там еще не был.
Соколом вольным порхнуть бы в оконце.

Радугой светлой – ноги расставив.
Плыть коромыслом, землю оставив.
Мир посмотреть да себя показать.
Ни о чем не жалеть – обо всем рассказать.

2002

Козельское общество русских литераторов

Александр БАРАНОВ

От Онона до Козельска

АЛЬМАНАХ

Злой Град

Александр Иванович БАРАНОВ

Родился в г. Козельске в 1937 г. По окончании школы служил в Вооруженных силах с 1956 по 1982 г. Выпускник Хабаровского командно-технического училища, окончил курсы политсостава сухопутных войск, служил политработником. Ныне пенсионер. Автор многих краеведческих работ, опубликованных в газете «Козельск». Кандидат в члены КОРЛ.

От Онона до Козельска

Когда речь заходит о героической обороне Козельска, не кажется ли вам, что вы укрылись за крепостными стенами, остались слепы и глухи, совершенно ничего не знаете о противнике, кроме одного: много!..

В результате этого мы не в состоянии прочувствовать той роковой обстановки, которая нависла над судьбами тысяч людей – как с обороняющейся стороны, так и осаждающей город.

И до настоящего времени можно слышать от «знатоков» о существовании подземного хода из города, словно в те далекие годы здесь жили прапредки метростроевцев, и о семинедельной обороне, хотя есть другие свидетельства, без космологической семерки, как отметил Сергей Рябов.

Важным обстоятельством таких рассуждений является недостаточность знаний о прошлом города, которые, увы, негде почерпнуть.

Попробуем критически подойти к свидетельствам русских летописей и воскресить, хотя бы примерно, хронологию обороны нашего города, определившись в этапах развития событий.

Этап первый. Что мы знаем о противнике?

1206 год, по восточному календарю – год Барса.

У истоков реки Онон (территория Монголии, юго-восток от озера Байкал) собрались князья монголо-татарских племен, чтобы избрать Чингизхана – великого хана. Им стал Тэмуджин. Завершился кровопролитный процесс создания государства.

Вся занимаемая монголо-татарами территория была поделена на три округа, округ – на тьмы, по десять тысяч человек в каждой, тьма – на тысячи, тысячи на сотни и десятки. Командовали ими нукеры и нойоны – монгольские феодалы. Главной заботой ханов стало укрепление военной организации. «Все монгольские воины должны иметь оружие, по меньшей мере, такое, – писал посланный к монголам римским Папой итальянец Плано Карпини. – Два ли три лука или, по меньшей мере, один хороший, и три больших колчана полных стрел, один топор и веревки, чтобы тянуть стенобитные орудия. Богатые же имеют мечи (сабли) – острые в конце, режущие с одной стороны и несколько кривые... Шлем же сверху железный или медный, а

то, что покрывает кругом шею и горло, – из кожи. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев». Слаженность подразделений достигалась высокой выучкой, а дисциплина носила жесточайший характер.

«Когда войска находятся на войне, то если из десяти человек побежит один или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, а если побегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают по приказу сообщая, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один, или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадает в плен один или более, а другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются». Во время штурмов «ни на один день или ночь не прекращаются сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются».

Венгерский монах Юлиан писал, что «в войсках у них 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших воинов их закона в строю».

Добившись четкого разграничения власти и сплочения, монголо-татары привели в действие отлаженную военную машину.

Первый удар был нанесен тунгусскому государству Си Ся, исчезла даже письменность. 1215 год – сожжен Пекин. 1218 год – пал Восточный Туркестан. 1219-1224 годы – покорены часть Средней Азии, Иран, Афганистан.

В 1220 году для разведки Чингисхан отправляет Субэдя и Джебе в Европу. Весной 1223 года 30 тысяч всадников прорываются через Дербент в половецкие степи. Они крушат половецкие стойбища, часть орд загоняют в Крым и полностью уничтожают.

Спасается хан Котян и еще двое-трое, они находят приют у Мстислава Удалого, едва добравшись до Галича...

Этап второй. Сражение на Калке.

Надо думать, что монголо-татары ясно представляли политическую обстановку в Руси: Киев по причине раздоров утратил былое могущество, Владимиро-Суздальское княжество не набрало сил. Но, как мы видим, с направлением на Киев у них ничего не вышло, хотя и выигран был бой неподалеку от острова

Хортица, за Днепровскими порогами, в котором спасся только десятый русский воин.

Но вдумайтесь в цифры: 30 тысяч и те 400 человек, которых прислал Смоленск на усиление дружин Мстислава с Котьяном и Даниила из Владимира-Волынского. Калка проиграна, но и 14 лет тревожного мира – это уже победа ратного труда Руси.

Майские дни 1223 года показали боеспособность русского человека, способного малым числом, без централизованного управления охладить пыл врага.

Калка предопределила и ход будущих событий: степями монголы двинутся к Рязани, там был еще слабый новоформирующийся центр Руси, за ним, вдоль Волжского торгового пути – Новгород. Козельск оставался как бы в центре, все события развивались вокруг него, и нет никакой видимости Дамоклова меча.

Этап третий. Кровавые побоища на северо-востоке Руси.

В середине 30-х годов XIII в. татары вторглись в Мордовию. Рязань готовилась к защите.

1237 год. У границ Рязанской земли появились разведчики-татары. Чернигов помощи не оказал. Юрий Владимирский – тоже, желал ослабления и послал посольство во главе с сыном Федором к Батыю для примирения.

Посольство было перебито на реке Воронеж.

1237 год. 16 декабря. Враг у стен Рязани.

Утром шестого дня осады «спозаранку пошли поганые на город – одни с огнями, другие со стенобитными орудиями, а третьи с бесчисленными лестницами – и взяли город Рязань... И не осталось во граде ни одного живого».

Рязанский воевода Евпатий Коловрат был в Чернигове, поспешил на помощь, но опоздал. Он громил татар своим полком по частям, в лесах, пока вся дружина не погибла. «Если бы вот такой служил у меня, – ответил Батый, – держал бы его у самого своего сердца».

Разорив Рязанскую землю, татары двинулись в землю Суздальскую, во Владимирское княжество.

Сожжены Владимир, Переяславль-Залесский, Ярославль, Тверь, Москва.

4 марта на реке Сити, притоке реки Мологи, были разбиты войска владимирского князя, погиб и Юрий, братья Святослав и Ярослав так и не оказали помощи.

Торжок блокировала другая ордынская армия, и снова Новгород не помог. Две недели защищался город. «Поганые взяли город Торжок, – сообщает летопись, – иссекли всех мужчин и женщин, церковный чин и чернецов-монахов, и все поругано, насильной смерти предано».

Некоторые историки и литераторы, пишущие на исторические темы, считают, что монголо-татары подошли к Козельску 25 марта 1238 года. Откуда появилась эта историческая дата, для многих козельчан не известно и до настоящего времени, хотя загадочности здесь никакой нет.

Вспомним «Гисторию» об Илье Муромце. Князь Владимир говорит Илье, что его гонцы гоняют от Киева до Рязани один месяц. Козельск находится как раз на половине пути между Черниговом и Рязанью, следовательно, от Козельска до Рязани – две недели езды.

Расстояние от Торжка до Козельска в полтора раза больше, вот и получается: 25 марта, если взять за исходную дату сражение на реке Сити 4 марта, и прибавить к ней три недели пути.

С таким выводом трудно согласиться по ряду причин. Во-первых, кровавые события развивались в условиях суровой снежной зимы, пересеченной сложной местности, часто заросшей глухими лесами, и путь к Козельску особыми условиями не отличался;

Во-вторых, завоеватели на практике столкнулись с партизанской тактикой ведения боя, возникшей из-за несогласованности действий русских дружин. Это действия Евпатия Коловрата, Ивана из Стародуба, опоздавшего выручать князя Юрия, той же дозорной дружины Дорожа, да и самого Владимирского князя.

В-третьих, на их пути встречались и другие населенные пункты, которые оказывали сопротивление. Только в наших краях мы знаем о Серенске, Добрынске, пока еще не разберемся о городке вятичей за Серпейском. Кроме того, гонцы гоняли по знакомой дороге, налегке. И хотя у татар была жесткая дисциплина, путь был не из легких не только для людей, но и для лошадей, которые кроме отдыха нуждались и в кормах, без чего они просто выбивались из сил, и темп движения снижался. В итоге мы выходим на первые числа апреля, время вскрытия малых рек. Именно в это время и увидели Козельск монголо-татары с высот отрогов Мещовского ополя.

«Батый пришел к городу Козельску, – сдержанно сообщает в своей хронике Рашид-ад-Дин, – и, осаждая его два месяца, не мог овладеть им».

Рашид-ад-Дин, безусловно, прав, и вот почему.

По сообщениям русских летописцев, падение города приходится на не пользующееся доверием 13 число. Но в это время Жиздра настолько полна паводковых вод, что ее надпойменная терраса по низким местам все еще представляет непреодолимое препятствие, несмотря на обнаженную береговую кромку.

Надпойменная терраса реки Другузны, с противоположной, западной стороны города в районе средней школы №4, поликлиники и сада, представляла в те годы обмелевшее и полувывсохшее озеро, след от далекого ледникового периода. Оно пересыхало лишь в начале сухого летнего сезона.

Вскрытие Жиздры происходит в первой пятидневке апреля, а в конце первой декады апреля река полностью очищается ото льда. Весеннее половодье начинается в среднем в середине третьей декады марта и заканчивается в конце первой декады мая. Уровень воды в многоснежные зимы превышает 7-метровую отметку.

Кроме того, есть и другие причины правоты ад-Дина: трудный, измотанный боями и постоянными стычками переход; деление войска на две группировки, одна из которых застряла на подходе к Новгороду; большие людские потери; геофизическое положение города-крепости и распыление сил в результате весеннего половодья для осады.

Каким же увидел Козельск Батый в тот ясный апрельский день?

Он стоял почти на краю высокой горы, круто срывающейся к неширокой заснеженной долине. По потемневшему снегу угадывалась извивающаяся змеей неширокая река. За ней, с севера на юг, словно беря разбег, небольшой пятачок равнины переходит во взгорок, тот вздымается выше и устремляется над рекой к югу.

С южной стороны подпираемое рекой взгорье поворачивало на запад, крутизна склонов к реке стремилась принять чуть ли не вертикальное положение.

Крепостные стены делили город на участки по мере подъема на взгорок, их объединяла одна общая стена. Откуда-то с центра крепости, очевидно, там были ворота, вдоль стены к

северной части города и к реке тянулся санный путь. Оттуда же спускалась дорога к южной части крепости, она резко взмывала вверх и исчезала за крепостными стенами.

На самой вершине стоял детинец. Он словно парил в воздухе, его высокие стены были прикрыты навесами и чередовались дозорными столпами.

К Батыю то и дело подсакивали дозорные и что-то докладывали. Он слушал и думал. Нукеры, находившиеся чуть в стороне, едва уловив движение руки повелителя, неожиданно возникали перед его взглядом. Короткая речь-приказ, повелительный жест нагайкой, и вся командно-феодалная знать исчезает в гуще вооруженных всадников.

Огромная масса лошадей, всадников пришла в движение и неожиданно исчезла. Войска Батыя пошли занимать свои позиции.

Много веков отделяет нас от тех весенних дней. Старый город остался в своих границах. Он и сейчас представляет собой проекцию гитары на плоскости, только без грифа.

Верхняя часть (южная) возвышается над реками на 30-метровой высоте, склоны по-прежнему круты. Именно здесь киевский князь Святослав поставил в 964 году крепость, утвердившись на торговом пути плацдармом для разгрома хазар и покорения вятичей.

Северная часть города по площади раза в два больше, снижается до 25 метров, имея более высокую западную и покатуку до 10-метровой отметки восточную сторону.

В северо-восточной части города возвышался в те годы более древний крепостной детинец скифских времен.

Естественной преградой с восточной стороны служит река Жиздра, ее глубина доходила до 4-6 метров, за ней простиралась надпойменная терраса с большим озером, протяженностью в несколько километров. В двух километрах от реки, за озером, на дюнах, росли смешанные леса.

В том месте, где у гитары должен быть гриф, самой природой образовался узкий перешеек в 200 шагов, если пройти по вершине. Его образовала река-змейка Другузка (Другузна), не пробившись к Жиздре, она устремилась на север, сделала несколько петель, обогнула город и рядом с детинцем слилась с Жиздрой.

Узкое место, отделяющее крепость от массива Мещовского

ополья, было перекопано очень глубоким рвом. За ним, рядом с крепостью, жили посадские люди: шорники, скорняки, плотники, горшечники и другой мастеровой люд, но и они имели свое укрепление.

Особое место занимала кузнечная слобода. Она располагалась под крепостью Святослава со стороны Другузки и через нее проходила дорога из крепости в посад, а там на Волоконец, Корачев, Дебрянск, Чернигов...

Настала пора вернуться в стан Батыя. Несмотря на трудности перехода, он дает команду своим нукерам рассредоточить свои поредевшие силы вокруг города, в результате чего произошло размещение войск на всех нагорьях, окружающих надпойменные террасы Другузки и Арденки (Орденка). Один из нукеров с войском располагается с восточной стороны, перейдя Жиздру по льду.

По всей местности пошли рыскать крупные отряды – разъезды. Город попал в осаду. Это произошло скорее всего 2-3 апреля 1238 года.

Прогреваемые солнцем снега на склонах овражистой местности стали сходить ручейками к руслам малых рек. Снега потемнели, появились промоины, вода стала выступать на сросшийся с берегом лед. Реки пробудились от зимней спячки. Начался общий подъем воды.

Измотанные трудным переходом, монголы отдыхают и несут сторожевую службу. Работают рабы, они наводят переправы через малые реки.

7 апреля. Малые реки полны воды. Вдоль берегов Жиздры образовались длинные промоины. Рабы пытаются обеспечивать надежную переправу, многие тонут.

10 апреля. Малые реки выплеснули свои воды из берегов, наполнили Жиздру. Лед поднялся, произошла его подвижка и ломка.

16 апреля. Потеплело. На Жиздре ночью начался ледоход. Вода затопила низины надпойменной террасы. Войско монголов ушло в лес и там рассредоточилось.

18 апреля. Козельск с трех сторон окружен водой, только узкий перешеек отделяет его от основной суши. Город оказался в двойной осаде.

Батый нервничает, все меньше и меньше остается лошадей. Войско на полуголодном пайке. Рыскающие разъезды возвраща-

ются пустыми, редкие поселения пусты, живности нет никакой. От второй армии, ушедшей к Новгороду, нет никаких известий. Все чаще и чаще приходилось по утрам выслушивать неприятные известия: многие посты оказывались перебитыми.

Истощенных животных приходится убивать все больше и больше, чтобы кормить войско и поддерживать на высоком уровне боевой дух. Количество жертв растет. Для поддержания дисциплины казни подлежали живые, принадлежащие той сотне, которая несла службу и была перебита.

Козельчане изучили основу порядка Батыя, они совершали свои вылазки все чаще, не оставалось мест, где бы противник чувствовал себя в безопасности и не ощущал страха.

25 апреля. Напряженность росла. Батый не может развернуться. На узком южном перешейке, если взять посад, штурмующие сами себе создавали большие помехи и становились хорошими мишенями, оборонявшимся легче было сосредоточить все силы.

Наступил май. Разлив в самом разгаре. От Козельска уже никуда не отступить. Теперь уже Жиздра поддерживает скудеющие воды малых рек, подпирая своей водой их течения и держа уровень на высоте как раз в черте города. Сама природа оттягивала роковой день, который должен подойти, и его тревожное предчувствие все сильнее ощущалось обеими сторонами.

Прошла первая декада мая. Козельск жив. Разлив рек начинает ослабевать. У города нет никакой связи с внешним миром. Посланные на лодках связные в Лихвин, Бел^а в как в воду канули. Может, перехвачены монголами? Запасы продовольствия на исходе. Несколько лошадей, доставленных невероятным способом на лодках, хватило ненадолго. Мясо истощенных животных пошло на питание ратников и детей, жители города – мужчины, женщины – отказались.

В один из дней состоялось городское вече.

Оно проходило, как всегда, на кладбище, среди могил, где, по мнению горожан, могли принять участие в общем разговоре и предки. Сейчас на этом месте возвышается храм Сошествия. Всем миром было решено защищать город до конца. Несмотря на уговоры воеводы, никто из женщин не решился покинуть город, пользуясь разливом и упрятыми за земляным валом несколькими ладьями.

Вот как откликнутся летописцы на решение вече: Галиц-

ко-волынская: «Козляне же, с общего согласия, порешили не сдаваться Батыю, говоря так: «Хоть наш князь молод, но отдадим жизнь свою за него, и здесь славу света сего примем, и там получим небесные венцы от Христа бога». Тверская летопись: «Жители Козельска, посоветовавшись с собой, решили сами не сдаваться поганым, но сложить головы свои за христианскую веру». Какая святость и сила русского духа отражена в летописях. Как он един, независимо от мест и лет.

«Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти», – с такими словами обратился Рязанский князь к своей дружине, первой, один на один, столкнувшейся с врагом.

«Луцезь бы потягу быти, нежели полонену быти», – долетают через века слова Игоря Святославовича, Новгород-Северского князя из «Слова о полку Игореве».

Идет май. Город жив.

Батый не выдерживает напряжения и организует штурм посада – междуречье Арденки и Другузки.

Целый день идет сражение. К вечеру полил проливной дождь и так разжилил глинистый грунт, что сделал невозможным никакое наступление.

Защитники города получили передышку. Осмотрено укрепление, местами готовое обрушиться, похоронены убитые, собрано оружие.

Воевода принимает решение сдать посад: от большого натиска врага он не спасет, сосредоточить все силы – оставить город без защиты, если враг начнет штурм с другой стороны. Надо беречь силы защитников города.

Не отсюда ли в оборот речи вошло слово «дешовки», дешево отдали посад... Только вот чей кровью дешево?

Город-крепость окончательно замкнулся. Еще надежнее укреплены въездные ворота.

20 мая. Город жив.

Все предгорья окончательно просохли. Батый дает команду приступить к штурму. Удар можно нанести только с южной стороны, со стороны посада, против которого преградой стала крепость Святослава. С северной стороны наносится отвлекающий удар.

Потери врага начинаются уже там, откуда до крепостных стен даже не долетают татарские стрелы. Это работа специальных стрельцов, способных стрелять из сложного лука. Здесь

нужна большая физическая сила рук. Полет стрелы, выпущенной из этого лука, покрывает расстояние до километра, на близком расстоянии стрелы пронзают противника даже через щиты.

С южной стороны противник массой скатывается в ров, оставляя на подходе десятки трупов, кидает лестницы на крутой земляной склон, на веревках подтягивает другие, гибнут, падая, сшибая с ног тех, кто стремится к стене и находится ниже. Кое-где лестницы приставлены к стене, но они падают, все повторяется. Местами на навесах начинает появляться огонь, это выпущены специальные зажигательные стрелы.

Воздуху тесно от полета стрел. Они долетают даже до противоположной стены крепости. Свободное передвижение опасно.

Нападавшие выглядят устало, им не хватает прыти быстро взобраться по лестницам.

С северной стороны пошли в ход стенобитные орудия – раскатываемые на веревках тяжелые бревна с окованным железом торцом. Гибнут татары и рабы, подтаскивающие под стены эти нехитрые сооружения.

Каждые полчаса Батыю докладывают о ходе сражения. Он недоволен, темп наступления слаб. Много потерь. Еще несколько таких штурмов, и он останется без воинов, с обозом и рабами. Было видно, что город хорошо подготовлен к обороне. Подана команда прекратить штурм. Необходим анализ... А время идет. Козельск жив. Май приближается к концу.

Батый оставляет с юга только один заслон, все силы сконцентрированы с севера и северо-запада, там есть плацдармы за рекой, где есть возможность накапливать силы.

Последний день мая. Козельск жив.

Забрезжил рассвет. С воплями враг устремляется на город. Много убитых и раненых с обеих сторон. Вот уже пробиты бреши в первом поясе крепостной стены. Защитники города, прикрываемые товарищами, отходят ко второму поясу крепостных стен. На осаждаемый город уже устремилась вся Батыева армада. Во многих местах уже трещат стены второго пояса укреплений.

Особо стойко отражали натиск татар ратники у скифского детинца. Они знали: если оставить этот участок города врагу, значит лишит защитников крепости воды, последнего, что до этого времени было в волю...

Настало время процитировать строчки и из Ипатьевской

летописи: «И совет держали выйти на полки татарские...».

Это второй упоминаемый за всю оборону города совет его защитников.

Вече могло состояться только в крепости Святослава, когда обессиленный Батый чего-то выжидал и зализывал раны. Вся северная часть города была занята врагом: и скифский детинец, и район сквериков, вплоть до Белевского спуска, над которым нависали в вышине мощные крепостные стены.

Первые числа июня. Козельск жив.

Город не только оборонялся, но и пытался вести разведку, захватывал пленных. Возможно, в ряды защитников попал кое-кто из рабов, во время схваток рукопашного боя улизувших от подтаскиваемых ими осадных орудий. Они хорошо знали про тылы Батыя и где находится его ставка.

Город боролся из последних сил, без пищи, без воды, израненный, но гордый и... непобедимый.

Летописи в один голос отметят, что «были убиты три сына темников». «Татары искали и не могли найти их среди множества трупов».

С тех пор одна из надпойменных террас Другузны в юго-западной части города, расположенная за средней школой №4, за улицей К. Маркса, зовется Баковым лугом (ханским лугом).

На последнем вече города-крепости было решено под покровом ночи пробраться через боевые порядки монголо-татар и уничтожить Батыя, тем самым внести дезорганизацию среди обессиленных воинов врага.

Ратники, хорошо вооруженные и защищенные доспехами, должны были удерживать, в случае чего, оборону города. Женщины и дети прячутся в храме, так как вся территория крепости простреливается неприцельным полетом стрел. Но они не знали многого.

В первых числах июня монголо-татарские дозоры встретились с приближающимися к Козельску армиями.

«Потом пришли Кадан и Бури, – продолжает свои записи Рашид-ад-Дин, – и, наконец, взяли его», «и разбили стены города и взошли на вал».

Утомленные длинным переходом из-под Новгорода, прошедшие через все половодья, монгольские полки нуждались в коротком отдыхе.

Батый скрытно сосредоточивает их вблизи города с север-

ной стороны и предопределяет все действия по взятию города.

Не знали защитники и того, что Батый перенес перед последним штурмом свою ставку на новое место – из района плодового сада за Баковым лугом на взгорье, где сейчас находится улица С. Панковой. Вот почему погибли только три сына темников, а сам Батый остался жив.

10 июня 1238 года. Козельск жив. Израненный, измотанный, без воды и пищи, но гордый и непобедимый.

В ночь на 10 июня по лестницам и веревкам горожане покидают крепость и по кузнечной слободе пробираются к Другужке, чтобы под прикрытием берегов проникнуть через боевые порядки монголо-татар в тыл. Факт гибели у противника детей темников свидетельствует об этом удачном рейде, так как женщины, дети и кони всегда находились за боевыми отрядами.

10 июня. Брезжит рассвет. Северная часть города. Сотни, полки построены для атаки. Рабы со стенобитными орудиями ждут грозных окриков. Час «икс» настал.

10 июня. Крепость Святослава. В предутренней тишине дозорные слышат шум в стане врага. Крепость ожила, пришла в движение, и все стихло. Час «икс» настал.

Вражеская армада ринулась на земляной вал, на крепкие крепостные стены. Множество лестниц со всех сторон облепили стены крепости. Тысячи стрел татарских лучников стараются сбить со стен ее защитников. В ход пошли стенобитные орудия...

Вернемся к Ипатьевской летописи: «Бились они около города, желая захватить его, и разбили стену городскую, и взошли на вал...».

Обстановка стала критической.

«И выйдя из города иссекли пращи их, напали на полки их и убили 4 тысячи татар, а сами же все были перебиты», – отмечает летописец.

Восстанавливать крепостную стену было уже некому. На смену нападавшим пришла новая волна свежих татарских сил. Заработала отлаженная Батыем осадная тактика.

Татары смяли ряды защитников и устремились в проломы крепостных стен. Раненые, даже женщины, все, кто мог оказать хотя бы малое сопротивление, вступили в бой.

«Козляне же ножами резались с ними...», – отмечает летописец.

В разгар боя Батый получает известие о бое в своем тылу. Он взбешен, посылает срочно резерв. От близости победы уже нет никакого удовлетворения.

«Батый же взял город и не пощадил никого, перебил всех до сосущих млеко. О князе Василие неизвестно ничего. Иные говорят, что он утонул в крови, так как был очень мал», – продолжает автор летописи.

10 июня 1238 года. Козельск не пал, он вошел в историю символом стойкости и мужества для всего русского народа.

Сейчас, когда прошло столько веков со дня героической обороны Козельска, Батыю можно приписывать все, начиная с мщения за убитых послов.

И половодье, и сбор разрозненных сил, и потери особо не воспринимались им близко к сердцу – война всегда требует жертв. Он помнил решение курултая в 1235 году, где ему было поручено возглавить поход на запад, он чувствовал силу своей воли, дисциплину, гордился использованием осадной техники, заимствованной у китайцев, и вдруг такой прорыв... А ведь там совсем недавно был он сам...

В отчаянной вылазке козельчан Батый увидел их силу воли, способность перехитрить, наконец, он увидел и свой промах, это его злило, поэтому он и дал команду на проведение особых карательных мер.

Вероятно, его волю выполнял Тулуй. Его кровавый почерк прослеживается в 1221 году в Персии. Узнав, что некоторые горожане города Ниццабур ложатся рядом с мертвыми, он велел отрубить всем головы и складывать из них пирамиды.

Останки голов козельчан, среди которых было много детских и с женскими косами, обнаружили при строительных работах в районе бывшего Госбанка (за Успенским собором), при планировании спортивной площадки за зданием бывшего педучилища (неподалеку от храма Сошествия).

«И повелел Батый с тех пор называть город не Козельском, но злым городом».

Шли годы. Наступил 1776-й. Козельск, возрожденный из пепла, продолжает жить. За стойкость и мужество, проявленные его жителями в борьбе с ордами монголо-татар, императрицей Екатериной II ему был пожалован герб. Козельск называется уездным городом Калужского наместничества.

« В червленом поле, знаменующем кровопролитие, на-

От Онона до Козельска

крест расположенные 5 серебряных щитов с черными крестами и изъясляющие храбрость их (горожан) защищения и несчастную судьбину, и 4 золотые креста, показующие верность». С той поры прошло еще три с лишним века, память не только сохранила героизм тех канувших в Лету веков, но и активизировалась в пытливых поисках героического феномена, который родился в народной среде на базе ассимиляции народов балтской этнической принадлежности, скифов, угро-финнов и славян знаменитого рода Вятичей.

Александр Баранов

От Онона до Козельска

Александр Баранов

От Онона до Козельска

Александр Баранов

Козельское общество русских литераторов

Творчество молодых

Рассказы
Стихи

АЛЬМАНАХ

Злой Град

Денис Чекрыгин

(г. Козельск, 14 лет)

Что делать мне?

Осень – скучная пора:
То дождь, то ветер во дворе,
Медведю в спячку уж пора.
А мне? Что делать мне?

В душе смятение всех чувств:
Чуть солнце – радостно в душе,
Вдруг пасмурно – и сразу грусть,
Ну что же делать мне?

Ива

Плакучая ива стоит у реки,
Река ей тихонечко шепчет
Про быстро несущиеся ручейки,
Воды которых лечат.

А ива всё слушает речки рассказ
И слезы свои драгоценные
Бросает на землю с невидимых глаз,
Где травы – друзья неизменные.

А где-то вдали шумят города,
И дым поднимается тучею.
А там, у речушки, стоит тишина,
С прекрасною ивой плакучею.

Маша Чекрыгина

(г. Козельск, 12 лет)

Ромашка

На лугу, на лугу,
На зеленом берегу
Появилось солнышко –
Белая ромашка.

Ветерком лелеяна – овеяна,
В красоте взлелеяна,
Голосочком тоненьким
Песенку поет.

Приход весны

Сижу я за столом и смотрю
в окно:
Во дворе моем луж
полным-полно.
Снег уже растаял,
и растаял лед.
Все вокруг в природе
ждет весны приход,
А она не хочет нынче
приходить,
Видимо,
боится ножки промочить.
Вот бы нам по лужам
с криком побежать:
Пятками босыми
радостно сверкать.

Грусть и радость

Капает дождь грустно и мелко,
Грустно молчит мокрая белка.
Грустно колокол бьет над башней,
Грустно озябшей вороне над пашней.
Кончился дождь, оживилась природа,
Колокол бьет, и все больше народа
В храмы спешит на праздник церковный.
Поет соловей, как зачарованный,
Дарит лучи солнышко красное
И все вокруг такое прекрасное.

Мария Нижник

(д. Дешовки, 18 лет)

В этом мире мне нужно любить.
Я люблю, и такую любовью,
О которой нельзя позабыть,
А забуду – так значит не вспомню.

Я не вспомню родные поля,
Что будили каплейю росинок.
Не простит мне такого земля,
Невозможно забыть про Россию.

Невозможно забыть про леса,
Завладевшие запахом сосен.
И лазурь – ту, что льют небеса,
В своем сердце мы преданно носим.

Ты пленяешь своей простотой.
В том твоя красота, твоя щедрость.
Ты – красавица с нищей сумой,
Скромность чья прикрывает всю бедность.

И особое пение птиц,
Тех, что лишь о России щебечут.
И на тысячи стай верениц
Поделенный пылающий вечер.

Улетали они далеко
И на крыльях тоску уносили.
Ведь забыть про нее нелегко,
Невозможно забыть о России...

* * *

Люблю я румяный закат
Над тонкой полоскою леса
И в небо таинственный взгляд
Уснувшей когда-то принцессы.

Ее очарованный принц
Все бродит по странам далеко,

Пытаясь разрушить те сны,
Что видит принцесса глубоко.

Спасенье еще далеко,
И сердце стучится с тревогой,
И принцу совсем нелегко,
Идти этой долгой дорогой.

Но вера в душе живет
Для тех, кто дышит надеждой,
Принцессу свою он найдет
В лохмотьях бедняцкой одежды.

Узнав в ней былую красу,
Ее от забвенья избавив,
Спасет он принцессу свою,
Что краше раз в тысячу станет.

Люблю я румяный закат
Над тонкой полоскою леса.
России таинственный взгляд
Уснувшей надолго принцессы.

Из поэтического дневника

Сон

Одинокая ива склонилась
Над прохладной гладью озер...
Мне однажды это приснилось:
Чудный вечер, поляна, костер,
Треск поленьев, заря догорала
И счастлива минута была,
Когда ива, скрипя, наклонялась
И на ветках меня унесла.
Унесла в глубину поднебесья,
Куда птица взлететь не могла,
И пела тогда я песню,
И счастлива я была.

* * *

Нехотя я причиняю боль...
Господи! Как в этой жизни неуклюже
Я играю свою маленькую роль,
Прикрываясь рукавом от стужи.

Если б только знать, как повернуть
Колесо судьбы! Неутомимо
Ринулось бы сердце в тяжкий путь,
Сбросило бы прежнее унынье.

Я люблю людей, но уважать
Вряд ли кто бы мог меня заставить
Их земные прихоти, понять
Их стремленье властвовать и править.

Как улитка, спрятавшись в свой дом,
Наблюдаю эту жизнь из окон.
Выхожу на улицу с трудом,
Оттого и становлюсь жестокой.

* * *

Я хочу бывать в старинных залах,
Я хочу глядеться в зеркала,
Что без искаженья отражают
Каждое движение чела.
Я хочу услышать звон посуды:
Серебро, и золото, и хрусталь,
И галантным кавалерам руку
Подавать с усмешкой на устах.
Я хочу жить в замке с привиденьем,
Что заточено в нем много лет,
Что цепями звенит о ступени,
Опускаясь под утро в склеп.
И в минуты радости приятен
Аромат духов и пряный цвет,
А особенно – шуршанье длинных платьев,
Что сопровождает менюэт.
А еще хочу я, чтоб однажды
Славный рыцарь вдруг пришел за мной –

Молодой, красивый и отважный,
Друг мой милый, верный, только мой.

Петр Горохов

(д. Дешовки, 18 лет)

Уроды

Выбрит до синевы и немного пьян, молодость проходит быстро, но от него она еще не ушла. Откровенным до конца можно быть только наедине с собой, но и это удается не каждому. А ведь с чего все началось...

Вчера он шел домой с опоздавшей электрички, уже по темноте. Он думал о своем, вообще – любил размышлять на ходу. Когда шагал по темному парку, не сразу заметил, что какой-то подвыпивший парень цепко ухватил его за рукав и нагло шарит в карманах. Он огляделся, и понял, что окружен плотным кольцом представителей мужского пола возрастом от пятнадцати до двадцати лет. «Свора», – сказал он себе. Он знал таких. Свора – им много не надо: веселья, радостного угара, страха и адреналина – стандартный набор. Не из-за жалких двухсот рублей и грошовых шмоток остановили его в темном парке. Им всем просто хотелось ощутить себя стаей, сильной стаей, почувствовать свободу, и способ был избран древний, как мир... Свора. Так поступали испокон веков, когда хотелось самоутвердиться, смять комплексы, разрядить опасный запас агрессии. Унизить жертву, ощутить себя властителем жизни, свалить, отбить почки, сломать ребра и, цыкнув сквозь зубы на затихшее тело, расползтись в темноте с коротким страхом и восторгом в душе. В тусклом свете одинокого фонаря блеснула пара сколотых бутылочных горлышек, нежно именуемых в народе «розочками».

Он не умел разговаривать с такими. «Чиста-а разговор» перед неминуемой дракой – это въевшаяся под кожу традиция, он пуст, глуп и никогда ни к чему ни приводит. Прав всегда тот, за чьей спиной стоит больше бойцов. Вчера разговора не было. Он одним коротким ударом, как учили, сломал ногу вцепившегося в рукав парня и пошел дальше, не обращая внимания на несущиеся вслед вопли и матерные угрозы. Уроды, уроды!

Вошел в темный подъезд, в ноздри ударил тошнотворный запах испражнений. Почтовый ящик был еще теплый от сгорев-

ших газет, краска облупилась и повисла лохмотьями. Уроды, уроды! Лифт, как и водится в выходные, не работал.

* * *

Дома. Сна ни в одном глазу. Включил плеер, надел дорогие наушники, чтобы не мешать спать соседям, и включил комп. Сразу зашел на любимый форум, «кивнул» знакомым. Просмотрел пару анекдотов и коротких историй. Прочитал выложенный кем-то рассказ и, отвернувшись от экрана, уставился в темный квадрат окна. Уроды, уроды!

Рассказ, написанный уродом, сочился гадостной мразью. Через слово упоминались половые и прочие органы, а также различные естественные выделения человеческого организма. Весь построенный на нездоровых фантазиях озабоченного извращенца, он велся от лица не то Чебурашки, не то Штирлица... Интересно было то, что одному уроду громко аплодировали и выражали восхищение с десятков других уродов, с короткими взвизгиваниями восторга, купаясь в написанном дерьме. Бред, бред.

Он начал писать ответ, пропитанный праведным гневом, воззваниями к совести, достоинству и патриотизму, и... и, не дописав, стер. Зачем? Кому? Разумные воззвания никогда не давали положительных результатов, и это знает каждый, кто хоть раз их читал. Никто не любит, когда его поучают, тем более, когда делает это неведомо кто. Именно поэтому яркие «праведные» речи рожают лишь агрессию, особенно если они справедливы. У нормальных людей, в данном случае, агрессия выливается в спор, который порой «рождает истину». У уродов же для агрессии есть лишь один выход – лай. Радостное матерное тьяканье, необоснованное и направленное не на мысль автора, а на него самого.

Урод – вовсе не ругательство, а точное определение человека с заметными отклонениями (как физическими, так и моральными), портящими его привлекательность в глазах окружающих.

Уроды! – слово грело душу. Он не мог ничего сделать, но он теперь знал, с кем имеет дело.

Зашел в знакомый чат. Набрал привычное:

– Привет.

И сразу получил ответ:

- Хай, придурок!
- Прости. Верю, что ты ошибся.
- Ты ч□, ищ□ и пидар?!
- Ты меня с кем-то путаешь...
- Пошел ...

Урод, урод, и как точно – с первого захода. Словно наяву видел своего неведомого «собеседника»: тупая, слюнявая морда с маленькими глазками, лужа пива возле клавиатуры, свободная от мышки левая рука почесывает потное тело. И главное: после отправки очередного сообщения – популярное бивисобатховское «Хэ-хэ. Хэ-хэ.»

Порою, после бесплодного грязевыделения, разбивающегося о стену спокойствия собравшихся, на слова: «Слабовато, приятель, даже нагадить не можешь по-человечески», очередной урод снисходительно сообщает: «Это я не в ударе сегодня. Вот поспрошай тут про меня, скажут, что я могу еще как поднас...ь». Забавно, но он гордится своими деяниями и своей популярностью уroda. Что это, как не заболевание?

Идти в другой чат расхотелось. Пожевал бутерброд и запил его остатками кофе. Проверил почту. Новый случайный знакомый завалил почтовый ящик на редкость пакостным спамом. Зачем? Шутка? Урод! – просто и ясно. Все они и каждый в отдельности – один большой комплекс. Уроды! Что за радость вылезти из грязи и под чужим ником (обязательно под чужим) матерно обляять. Похоже на тьяканье цепной собаки, завидующей свободноходящим прохожим. Бедняга. Злость, смешанная с болью, творила и героев, и преступников, но помноженная на тупость и испорченность, она рождает уродов.

«Сетовой урод» – ущербное создание, получающее облегчение, да и большое удовольствие, от причинения мелких гадостей окружающим.

Знакомых так и не нашел. С минуту глядел на мерцающий скринсэйвом экран. Он не был ни великим хакером, ни крутым программистом. Он не мог карать, не любил жаловаться, не терпел ответного лая, он просто уходил.

* * *

Спал плохо, под окнами выла сигнализацией навороченная «Ауди». Летняя ночь коротка. Утром его уже ждали в подъезде вчерашние знакомые из парка, только теперь их стало вдвое

больше. Уроды, уроды...

Он хмуро оглядел собравшихся и, нащупав в кармане костяную рукоять испанской навахи, молча двинулся вперед. Время разговоров прошло.

Солдаты новой веры

Сквозь затянутое утренней дымкой небо, не спеша, один за другим, показывает свои лучи неторопливое весеннее солнце. Свет с трудом пробивает оставшуюся от ночи завесу и растекается по отдохнувшим после очередного трудного дня верхушкам позеленевших деревьев, закованным в шифер крышам, фонарным столбам, похожим на одиноких оловянных солдатиков – словом, начинается еще одно прекрасное майское утро. Одно из тех, когда в воздухе еще витают запахи весны, но уже чувствуется тяжелая поступь жаркого пыльного лета. Начинают свой будничные бег еще немногочисленные прохожие, показываются первые автомобили, выпуская в воздух очередную порцию токсинов, город оживает. Типичный провинциальный городишко, где пока можно насладиться красотой рассвета, еще не задымленного вязким столичным смогом, еще не закрытого, словно гигантским забором, веером небоскребов, еще не заглушенного чудовищным ревом ожившего мегаполиса. Здесь он безмятежно разворачивает все свое великолепие, на описание которого вряд ли хватит красок из стандартного набора «Юный художник», продающегося в магазинах того же городка, равно как содержания стандартного орфографического словаря, возлежащего на полках соседних магазинов, – им остается только молча любоваться, отдавая должное матушке-природе, знающей толк в прекрасном.

Но, к сожалению, не все замечают и ценят такую возможность совершенно бесплатно наблюдать это природное великолепие. Люди полны своих забот – куда менее грандиозных, по сравнению с подобным зрелищем, но куда более важных для них самих. Небольшая группа, несколько выделяющаяся из серой будничной массы своим внешним видом, принадлежит именно к такой категории людей, вероятно, уже не только не замечающих, но и не способных оценить всю мощь, силу и необыкновенную грацию достаточно обыденного природного явления. Причем такой расклад их ничуть не смущает, потому как для них есть более

важные вещи, и именно ради этих ценностей группа молодых людей совершает в данный момент пешую прогулку по залитым утренним солнцем узким улочкам небольшого города.

С виду вроде бы это обычные представители современной молодежи, но что-то в них вызывает легкое недоумение у непосвященного человека. Присмотревшись, можно понять причину, по которой обычные горожане с недоверием косятся на необычную группу. Примерно так же еще в XIX-м веке крестьяне косились на студентов-народников, а в более позднее время – «обыватели» чурались странных людей в белых одеяниях, напевавших «Хари Кришна». Сходство молодых людей с различными «братьями» просто поразительно: они тоже принадлежат к своеобразной секте, исповедующей немного другую философию, нежели та, которая присуща большинству. Эти люди – квейкеры. Квейкеры нового поколения – фанаты. Те, которые сами уже не очень-то понимают смысла и правил игры, но беззаветно преданы самой идее и посему фанатично ей следуют, причем следуют во всем. В их одежде – символика игры, в их руках – флаги и транспаранты, отражающие величие любимой команды, их речь – странный, понятный только им одним диалект, чем-то напоминающий смесь русского и английского языков, щедро приправленный непечатными выражениями и украшенный своеобразной терминологией.

Классифицировав род и вид этого, так сказать, сообщества, легко можно угадать причину столь раннего появления молодых людей в городке. К несчастью, именно этот городок стал центром слета команд из других городов, на котором определится четверка сильнейших квейкеров страны – в некотором смысле пантеон, на который представители вышеуказанного семейства постарше смотрят с благоговейным трепетом, а помладше – так и вовсе не смеют хотя бы на мгновение обратить свой ничтожный взор. И именно этим утром кандидаты на игровой Олимп начнут определять, кому же из них стать бессмертными (до прихода нового победителя), а кому – гореть в аду всеобщего унижения слабых мира сего.

Но вот в группе странно одетых людей начинается какое-то волнение, они замедляют шаг, начинают шептаться и глаза их, доселе безучастные, загораются нездоровым блеском. Из-за противоположного угла улицы показывается точно такая же бета-версия толпы с разницей только в символике, причем реакция от первой группы мгновенно передается второй: противники

замедляют шаг и начинают по-звериному приглядываться и принохиваться друг к другу. Конфликт неизбежен, но его время еще не пришло, и конкуренты беззвучно расходятся в разные стороны. Правда, по мере увеличения расстояния между группировками, из того и другого стана все громче и отчетливей слышны крики «Маздай!», «В Мясо!», «Вазелиньтесь, с#ки!». Когда звуковой барьер становится толще, импровизированные лозунги становятся все длиннее, однако печатными в них остаются только предлоги «в» и «на». Первое испытание пройдено. Впереди – кульминация.

С недавнего времени в киберспорте произошли определенные изменения. Акцент сдвинулся на игру командную, игроки эволюционировали в спортсменов, для которых игра постепенно стала профессией, а затем – жизнью. Игра действительно заменила им жизнь, стала ею, растворилась в ней, и вне игры эти люди уже не мыслили себя. Казалось, это неизбежный закономерный результат развития, его можно понять, смириться с ним, но вот отдельные побеги ветвистого дерева компьютерного спорта начинали настораживать. Поняв, что всем в элите места не хватит, люди повели себя по-разному. Кто-то ушел в любители, кто-то стал поигрывать временами разве что для удовольствия, а вот отдельная часть избрала для себя принципиально новый путь. Не в силах поднять свой скилл до небесного уровня элиты, отдельные индивидуумы, однако, не захотели покидать ниву киберспорта. Так начали стихийно возникать фан-клубы. Вскоре у каждой более-менее профессиональной команды появилась своя группа поддержки, по антуражу скорее похожая на бандформирование. Постепенно акценты менялись, у каждого фан-клуба появились свои собственные цели, уже далекие от изначальных, и в новое русло истории хлынула волна свежих событий, унося с собой всех, кто по неосторожности подошел слишком близко к краю, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть в мутной воде.

Тени стали короче. Утро провалилось в пыль и грохот наступившего дня. Возле небольшого, ничем не примечательного снаружи двухэтажного здания собирались говорящие на странном языке люди. Возраст собравшихся варьировался от 14 до 22 лет, однако в лицах можно было заметить что-то схожее, роднившее этих, доселе даже не знакомых между собой людей, словно все они когда-то были внебрачными детьми лейтенанта Шмидта или же на их лицах оставила свой отпечаток болезнь

имени тов. Дауна. Выбегающие из здания люди, одетые более традиционно в нарядные костюмчики с болтающимися на уровне груди бейджиками, трусливо поглядывают вниз на все разрастающуюся живую массу и спешат обратно, наполняясь нехорошими предчувствиями. Неподалеку, под конвоем небольших деревьев, видна наспех сработанная зрительная зона, чем то напоминающая банальную трибуну, но выполненная в современном стиле: впереди небольшие круглые столики с одиночными стульями, чуть сзади – монолитные длинные скамейки, так же сделанные из легкого пластика. Напротив, на стене здания, кто-то зачем-то повесил белую простыню гигантских размеров. В тесном кольце скамеек виден небольшой столик, отличающийся от остальных цветом, фактурой и наличием на нем непростого устройства, над которым колдовали двое «костюмов». Трудным путем умозаключений отдельные представители находящейся рядом со зданием аудитории смекнули, что хитрый дивайс и простыня являются частями какого-то единого механизма, и что все это как-то связано с действием, ожидающимся с минуты на минуту.

Наконец, на простыне, оказавшейся просто большим экраном, заиграли блики, дивайс затрещал и изверг из себя первый пучок света, народ взвыл и кинулся занимать места, по пути чуть не снеся нежную подставку проектора и затоптав механиков, не успевших на свою беду сгруппироваться под навалившейся лавиной зрителей. Только когда опустились на пятую точку пришедшие последними фаны, можно было разглядеть, что зона аккуратно поделена надвое, дабы не допустить смешения идеалов двух противоборствующих команд. Замолчавший на некоторое время проектор, сам того не желая, чуть не стал причиной преждевременной развязки: рассевшись, обе группы стали сначала молча кидать друг в друга едкие взгляды, затем усилился неизвестно откуда взявшийся гул, послышались первые выкрики, и вдруг... все смолкло. Очнувшийся первым техник вовремя нажал на кнопку, экран на секунду вспыхнул всеми цветами радуги, моргнул пару раз и, наконец, родил знакомую до боли картинку с надписью awaiting connection. Толпа, замолкнув на долю секунды, взвыла нечеловеческим хором голосов, откуда-то сверху полился звук, и все потонуло в нахлынувшем симбиозе четкого электронного саунда и стихийного надрыва десятка молодых глоток.

Цивильно одетый человек, вертящий в руках выдавший

виды, потертый микрофон, с недоверием посматривал на развернувшуюся неподалеку феерию. Оттуда доносились металлические звуки агонии и выстрелов, слышались крики «Штампуй!», «На муви!», «Прет удача из ушей!», что приводило в недоумение человека с микрофоном, силившегося понять смысл подобных высказываний. В поведении его чувствовалось некоторое волнение: он бесцельно мял провод микрофона, излишне суетился, помогая второму вытаскивать камеру из машины, нервно рылся по карманам, отыскивая нужную бумажку. Осмелев, человек с микрофоном приблизился к уже вовсю бушующей аудитории и, обращаясь к пареньку, стоящему возле крайнего столика и держащего небольшой плакат со странной надписью «Тимплей – ФореВА !!!», на выдохе произнес:

– Молодой человек!...

...молчание.

– Мальчик!..

...нет ответа.

– Эй, парень!..

...аналогично.

– Йоу, пипель!! – чуть не плача, после некоторого молчания проскрипел репортер. ...Ноль реакции.

Журналиста спас откуда-то взявшийся мальчик, который резко подбежал и что-то крикнул прямо в ухо, после чего куда-то испарился. Человек недоуменно переглянулся с оператором, на секунду задумался и, наконец, выдохнул:

– Кхм.. ээ.. gl, dude?

Реакция последовала незамедлительно, юноша с плакатом оглянулся, на лице промелькнула идиотская улыбка, и, толкнув в бок стоящего рядом, он крикнул:

– Гыгы, кина приехала, Йопт!

После чего стремглав рванулся по направлению к сияющей начищенным объективом камере, по пути задевая руками знакомых и крича что-то на непонятном языке. На лице журналиста замелькала вся гамма переживаемых чувств, выраженная в пятнах различного цвета и диаметра, но отступить уже было поздно. Дальнейшее более напоминало разговор немого со слепым, нежели подготовленное заранее интервью: молодые люди, брызжа слюной и страшно вращая выкатившимся чуть ли не на лоб глазами, что-то яростно рассказывали, вероятно, о проходившем в данную минуту мероприятии, но смысл их

речей почему-то ну никак не хотел оседать в мозгу репортера, имевшего два высших образования и привыкшего к устаревшему классическому русскому языку во всем его многообразии и великолепии. Неизвестно, сколько бы еще длился этот цирк, если бы не Его Величество Случай. Говоривший без умолку человек с плакатом, расписывающим преимущества тимплея перед остальными модификациями игры, вдруг обернулся и, указывая пальцем куда-то в толпу, крикнул: «Enemy Quad!» Остальные обернулись в указанном направлении, переглянулись и вдруг бросились назад.

А произошло вот что: устав ждать окончания баталий, выявлявших сильнейшего по правилам, отдельные личности убоялись, что энергия, с таким энтузиазмом накапливаемая уже несколько недель, может испариться без должного эффекта вылета пробки от шампанского. Придя к такому выводу (причем к нему пришли одновременно и независимо друг от друга обе стороны), они предприняли самые простые и логичные с их точки зрения меры. Постепенно сместив акцент с экрана на противоположную сторону, толпа схлестнулась в яростной перебранке, не выбирая выражений и не щадя легких. Происходящее на экране людей уже не интересовало. Все внимание было приковано к отдельным личностям и их ближним и дальним родственникам, а также в цене поднялись органы, особенно половые, которые почему-то сопутствовали пожеланиям долгого пути.

За словами не замедлили полететь наименее крепкие части столов и стульев, а затем 2 части толпы схлестнулись, образовав единую колышущуюся людскую массу. Люди, еще час назад не знавшие друг друга, озверело лупили новых знакомых пластиком, а кому не досталось заветного куска мебели, банально пускали в ход руки и ноги. Асфальт под ногами стал красным, подгоняемые налетевшим ветром, в воздухе летали обрывки материи, картина все более начинала напоминать битву при Гастингсе в момент рукопашной схватки. Однако последний аккорд внес в экспозицию законные веяния постмодернизма и современного фольклора. «Гренка в бубен с респал!» – у кого-то сдали нервы, и в воздухе блеснула отлетевшая чека. Через 2.5 секунды раздался глухой хлопок, завоняло гарью и паленой кожей, на залитых кровью лицах отразился первобытный ужас, когда вдруг стала понятна причина внезапного затишья, и уже через секунду на месте бывшей зрительской зоны осталось лишь несколько

развороченных стульев, оторванных в ярости клочков одежды и пара бесформенных кусков обгорелой плоти, которые еще 20 минут назад спокойно наблюдали за игрой любимой команды.

Солнце катилось, как обычно, на запад, заканчивался еще один пыльный день, потемневшее небо расчертила первая вспышка, почти сразу же со всех сторон хлынул теплый майский дождь, смывая с земли следы недавней драмы, потонули в накатившихся раскатах вой сирен и стоны уцелевших, ночь поглотила город, перевернув очередную страницу истории. Пройдет время, о случившемся забудут, настанут новые времена, но земля будет помнить еще очень долго, изредка напоминая мимолетными майскими грозами, отголоски минувших событий...

2003

Алеся Мышковская
(Козельск , 19 лет)

Снежинка

Белыми хлопьями кружится снег,
Падает на руку, тает навек.
Видишь, снежинка уже умерла,
Если с ладони слезинка стекла.

* * *

Ночью темной месяц красный
Выплывает над рекой,
Светит ясный и прекрасный,
Ослепленный тишиной.
В небе звезды с ним сияют,
Отражаются в воде,
И таких ночей волшебных
Не встречала я нигде,
Кроме города родного
Милого и дорогого.

февраль 2000

Осень

Дохнул осенний хлад – дорога промерзает,
Уж с ветки клена желтый лист слетает.
И ветер уж не тот, что летом с луга дул.
И облака плывут, как в пламенном бреду.
Да! Скоро птицы все отправятся в путь дальний,
И вновь наступит тихое природы увяданье,
Лишь рощи и леса в багровом одеянье
Застынут пламенем – остановив дыханье!

Никита Чеченец
(Козельск, 16 лет)

Тропую грома

Как тиха кровать в такие ночи,
Когда тревожно ветви бьют в окно,
Когда дождь сомкнуть мешает очи,
Тарабаня в мокрое стекло.

Тогда встану и пойду тропую грома,
Растворюсь я в проливном дожде,
Молния осветит путь из дома,
Вера будет компас мой везде.

К вечности пойду я сквозь года,
Позади оставлю дом и близких,
Но со мной пребудут навсегда
Образ матери и детские улыбки.

Прости

Прости, пусть это слово будет
Ярчайшим светочем во тьме,
Прости, и мигом станет легче –
Тебе и мне.

Прости, развежь чудесным словом
Сей вихрь распрей и обид,
И возродится в блеске новом
Любови лик.

Прощенье – главное богатство,
Прости, и ты его найдешь,
Прочь все сомненья, прочь злорадство –
И тем себя спасешь.

Простите ж, братья, и того,
Кто отвергает слово это:
Оно достигнет и его –
Небесным светом.

2001

Игорь Зубов
(Козельск 16 лет)

Моя бабушка – очевидец войны

*«Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне».*

Ю. Друнина.

Сон принес Агафье Памфиловне, моей бабушке, тревогу. Она несколько раз звала на помощь и проснулась в холодном поту от собственного крика. Что же было? Во сне тревожили картины прошлой жизни.

Баку. Радостное летнее утро. Девушки отправились в парк. Катание на лодке, звонкий смех, музыка льется из репродуктора. Мечты, мечты, мечты... 18 лет... Жизнь кажется прекрасной... Но вдруг навалилась какая-то давящая тишина, а потом... «От Советского Информбюро...» Листва стала ядовито-зеленого цвета, на лицах прохожих уже не было радости, а только тревога и растерянность. Началась война. Агаше, только что мечтавшей о счастье, казалось, что все происходит не с ней, а с кем-то другим. Кто-то другой по ночам плачет, а днем, как сумасшедший, носится по призывным пунктам.

Агашу призвали в армию 7 апреля 1942 года. Её сразу же послали на курсы водителей, так как шоферов не хватало – все были на передовой. Трудно было освоить шоферское дело юной

девятнадцатилетней девушке. Но желание помочь любимой Родине, принести пользу родному народу не позволяло Агаше опустить руки и все бросить. С замиранием сердца садилась она впервые за руль. И все чаще говорила себе: «У меня получится. Я должна научиться». И научилась. Ей досталась старенькая грузовая машина, на которой и работала она до конца войны. Агашу определили в зенитно-артиллерийский полк, который входил в объединенную группировку Северно-Кавказского округа.

В задачу зенитно-артиллерийской бригады входила охрана города Баку, а в особенности место добычи нефти. В бригаде в основном были девушки. Они, совсем недавно веселые и беззаботные, как-то все сразу повзрослели. Ведь на их хрупкие девичьи плечи было возложено такое трудное и ответственное задание. И со своей задачей они справлялись.

Многое вспоминается Агафье Памфиловне. Но один случай все чаще и чаще возникает в её воображении.

В эту ночь Агаша заступила на дежурство. Ничто не предвещало беды. Она вместе со своей напарницей сидела в машине и вспоминала довоенную жизнь. Вдруг ясно раздался звук мотора самолёта. Агаша вскочила с места, бросилась из машины и пристально стала вглядываться в темный купол неба. Звук все усиливался, а самолёта так и не было видно. Тогда Агаша включила прожектора машины, а подругу отправила к зенитчикам с сообщением. Мощный луч прожектора врезался в темноту, немного поблуждав, высветил, наконец, маленькую точку.

Это немецкий разведчик. Агаша напряглась: она боялась потерять самолёт и медленно двигала ручку прожектора вслед за летящей точкой.

Где же зенитчики? Неужели они еще не заметили врага? Но вдруг чуть правее застрекотала пулемётно-зенитная установка. Успели! Теперь врагу не уйти. Девушка не теряла самолёт из виду. Она наблюдала, как сверкающие пули разрезают черное небо, пытаясь поразить самолёт.

...Есть! Попали! Они не могли не попасть! Самолёт, оставляя в небе темные клубы дыма, ринулся к земле и, соприкоснувшись с ней, взорвался. Агаша думала, что это справедливо по отношению к тем, кто ворвался в их мирную жизнь, кто вызвал море слез и печали, кто посягнул на самое святое – ЖИЗНЬ. Но не думала она, что в этой маленькой победе есть ее доля, ее вклад. За этот случай Агафье Памфиловне объявили благодар-

ность. Много было у неё во время службы подбитых вражеских самолётов. Много пришлось повидать и смертей. Но всегда мысль о порабощении Родины не давала ей расслабиться. Она всегда чувствовала свою необходимость.

Известие о победе над Германией Агафья Памфиловна получила, находясь на дежурстве. Это было тёплым весенним утром. Командир полка полковник Данилов, как всегда, построил всех на плацу. Все видели сияющее лицо командира и догадывались о причине сбора. Громко и торжественно он сообщил о победе Советской Армии над фашистскими захватчиками. В рядах появилось движение, все, позабыв о приказе «смирно», бросались друг к другу, обнимались. У всех на глазах были слёзы, слёзы, слёзы... Слёзы радости и горя. Слёзы победы.

В конце августа 1945 года Агафью Памфиловну демобилизовали.

Она вернулась к мирной жизни. Но уже жить своей жизнью, не связанной с жизнью страны, она не могла. Поэтому в том же 1945 году поступила на службу в милицию.

Тяжело вспоминать бывшее, если оно омрачено страшными событиями войны, горем и слезами. И как напоминание о страшном кошмаре – её награды: медали «За победу над Германией», «За оборону Кавказа», медаль имени Жукова, «25 лет Победы», «30 лет Победы», «30 лет Советской Армии».

Слушая рассказ своей бабушки, я понимаю, что она мне завещает любить свою землю, свой родной край, свой народ. И сжимается сердце, когда слышу о новых войнах, о гибели людей. Почему? Не потому ли, что во мне течёт кровь моей бабушки и я чувствую свою ответственность за то, что в мирное время льётся кровь моих братьев и сестёр.

Светлая моя бабушка, радость и тепло моей жизни, целую твои милые руки, глаза, волосы. Ты будешь со мной всегда в моем сердце, в моей памяти.

2003

Наши гости

СТИХИ

Александр Григорьевич АЛЕКСЕЕВ

Родился в 1938 году в Москве. Детство его прошло на Алтае. По образованию инженер-строитель. В Академии художеств в Ленинграде изучал историю искусств и архитектуру. Работал строителем, искусствоведом, директором художественных выставок. С 1970 по 1973 год жил и работал в Иране. С 1992 по 1998 – в Германии. С 1973 года пишет стихи. Его сборники выходили в Москве и Германии (на русском и немецком языках).

Иерей Валерий СУСЛИН-ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ

Заштатный (по болезни) московский священник. Рукоположен во иереи в 70-х годах в Калуге. Служил в Ульяново, в Калуге, в Москве. Отец Валерий лично знал многих почивших ныне старцев XX века: схиархимандрита Амвросия (Иванова) Балабановского, архимандрита Тавриона Батозского, архимандрита Серафима (Тяпочкина) Ракитянского, схиигумена Савву, протоиерея Николая (Гурьянова). В настоящее время работает над воспоминаниями о них.

АЛЬМАНАХ
Злой Град

Александр Алексеев

Порядку звездному душа принадлежит,
И временно она в темнице тела.
Не ведая жестокости предела,
В иных пространствах путь ее лежит.
Разрушить тлен земной ее не в силах,
Запущен Богом мерный жизни ход:
Рождение и смерть – всего лишь переход,
Лишь оболочки душ лежат в могилах.
Но грудь теснит тоска, когда кресты погоста
В дожде осеннем видятся во сне.
Проснуться страшно при большой луне,
Любовь и боль утрат переплелись непросто.
Раздвинул небо колокольный звон,
День угасает, свет лампы ярок.
Слова молитвы – в тишине подарок,
Созвучен сердцу таинства канон.

* * *

Я хочу умереть в деревянной избе,
Без уколов, в тот час, что угоден судьбе,
Чтоб священник отходную тихо читал,
Чтобы пахло весной, чтобы Ангел летал,
Чтобы близкие люди меня окружали,
Чтобы руки в молитве у них не дрожали.
Чтобы с легкой улыбкой душа улетала,
Чтобы женщина в эту минуту рожала,
Чтобы в эту минуту в далеком краю,
Задыхаясь в объятиях, слово «люблю»
Прошептали девичьи губы,
Чтоб трубили Архангелов трубы.

* * *

Мы с вечера вырыли в небо окно,
Осенние листья упали на дно
И выстлали ложе для гроба.
Проглотит земная утроба

Александр Алексеев

Еще оболочку одну,
А то, что зовется душой, за Луну
Уже полетело,
Оставив уставшее тело...
Пьют пиво у кладбища люди,
Когда-то их тоже не будет,
Но станут другие могилы копать,
Чтоб души могли за Порог улетать.
Гробы опускают на самое дно,
В иные пространства могила окно.

* * *

Творить молитву – тяжкий труд.
Преодолев гордыни зуд,
Смирясь, молись и день и ночь,
Верь истово, сомненья прочь.
И вокруг себя добро творя,
Соблазн и прелесть поборя,
Приобретаешь благодать,
Вступая в ту святую рать,
Что вечно борется со злом
И побеждает не умом,
Но верящей душой прекрасной,
Открытой Богу, людям ясной,
Простить способной наперед
И знать событиям черед.

* * *

Ты, моя несчастная Россия,
Ты, моя голодная страна.
Вечер наступает синий-синий,
На небе – осенняя луна.
Дождь ночной слезою неутешной
Окропил болотистый покой.
Над моей Россией многогрешной
С жертвенной, истерзанной душой,
Над моей любимой, ненавистной,
Ненасытной в счастье и в крови,
Изолгавшейся, бессовестной и чистой

Александр Алексеев

Вновь поднимется Звезда Любви!

* * *

Как боль распятых рук,
Церквей кресты,
И долгий колокола звук
Небесной чистоты.
Ласкает слух и душу
Пасхальный благовест,
Нет, веру не разрушить,
Тому залогом Крест.

* * *

Мне все принадлежит вокруг:
Весенней радуги цветастый полукруг,
Сирени аромат и шмель на желтой розе,
Прозрачная роса, как счастья слезы,
Туманный пар над теплою водой,
Ведущая коней на дальний водопой,
Копытами пробитая дорога,
Недвижная сова и белка-недотрога,
Высокий аистов прощальный перелет,
И заморозков первый звонкий лед,
И баба на катке, слепленная из снега,
И даже горечи нечаянных утрат,
Отчаяние, страх, тревога, боли ад,
И деревянный крест, что под сосной стоит —
Все я люблю, все мне принадлежит.

* * *

Сретенье

Мне помогают те, кого уж нет,
Но кто умел любить не рассуждая,
И в море мрака вижу тихий свет,
И становлюсь сильней и твердо знаю,
Что сквозь границу меж миров,
Меж дольным и меж горним миром,

Зло не пройдет, что только лишь любовь,
Запечатленная мной в богоданной лире
Пересечет ее. Я знаю тех, кто любит нас,
Их больше, чем других двурогах,
Из глубины веков победный слышу глас
Умерших, но живых во Боге.
Христову воинству на верность дам присягу:
«Свет возлюбить, бороться вечно с тьмой
Клянусь не отступлю и в землю лягу»,
Живых перекрестив слабеющей рукой.

Иерей Валерий

Неугаданная старость,
Как непринятый обет,
Как нечаянная радость,
Что минувшего уж нет.

Иль открыто сердце звукам
Негасимого огня?
Или радуется мукам
Наступающего дня?

Где Ты? Где Ты?
– тихо плачет
Молчаливая печаль.
Иль уж детство рядом скачет?
И минувшего не жаль?

Плоть же ждет по слову Слова –
Гроб. Погост. Могилу. Крест.
В Воскресении Христовом
Срадуясь, что Он Воскрес!

И звездою Вифлеемской
Осиянный род людской,
Чаёт милости вселенской –
Побежденный Красотой!!!

1996 г. Рождество.

* * *

Когда-нибудь, когда исчезнут звуки
Нездешнего, незримаго огня,
Когда в преодолении разлуки
Узнает сердце Тайну Бытия,

Когда созреют Времена и Сроки,
И Покаяния закроются Врата,
И слез любви живительные токи
Божественная примет Полнота!

иерей Валерий
Суслин-Великопольский

И... к удивлению... избегнув муки вечной...
Престать пред Господом с молитвою
сердечной !!!

1997 -2001 г.г. Великий Пост.

* * *

Наше детство осталось нетронутым вдруг,
Прорастая сединами мнимых заслуг.
И для Судного Дня нам готовят ответ –
Миражами, сокрыв, сон... запутанных... лет.

Пусть снега не покрыли день святой Покрова,
Песнь заката хранит нас! И листва! И трава!
Впереди много тихих и ясных огней –
Это Ангелы ждут нас с Любимой моей!

Обручальные кольца... Венчанье... И Храм...
И в сияющей Славе с Невестой – Новый Адам!!!

1997 г. Покров день.

иерей Валерий
Суслин-Великопольский